

НН1DANONMTEGMЗУА5РТЫЕ7П0ДМ7ГВРСИФ20JMN9D2V5Q1M9
3F5789N1DVSQ1MD2NU<C6E5KOPVESTON20>W1EG3F5789HNRSG3F578

ГЕОРГИЙ АГАБЕКОВ

НИИИИТРИ5789N1DVSQ1MD2NU<C6E5KOPVESTON20>W1EG3F5789HNRSG3F578

СЕКРЕТНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА

ИСПОВЕДЬ РЕЗИДЕНТА

Мемуары под грифом «секретно»

Георгий Агабеков

**Секретная политика
Сталина. Исповедь резидента**

«Алгоритм»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Агабеков Г. С.

Секретная политика Сталина. Исповедь резидента /
Г. С. Агабеков — «Алгоритм», 2018 — (Мемуары под грифом
«секретно»)

ISBN 978-5-907028-45-6

«ОГПУ постарается расправиться со мной при удобном случае. Поживем – увидим...» – так завершил свои воспоминания Георгий Агабеков, высокопоставленный сотрудник советской разведки, который в 1930 году сбежал на Запад. А как еще могла поступить Москва с человеком, который в опубликованных в Западной Европе книгах подробно рассказал о грязных тайнах СССР? Начиная с вторжения в Афганистан в 1929 году, перехвата британской дипломатической почты в Персии, секретных операций в Стамбуле, Сирии, Палестине и Египте и заканчивая высылкой Льва Троцкого и расправой над Яковом Блюмкиным. Несколько лет советские агенты охотились за предателем по всей Европе, пока наконец не ликвидировали его в августе 1937 года – по одной версии, «растерзали» и сбросили в пропасть на границе Испании, по другой – зарезали в Париже, вывезли труп в чемодане и утопили в море. Тело перебежчика так и не было найдено. После него осталась лишь эта книга – сенсационная исповедь беглого резидента, раскрывающая всю подноготную советской разведки и самые опасные секреты Сталина.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907028-45-6

© Агабеков Г. С., 2018

© Алгоритм, 2018

Содержание

Предисловие автора	7
Глава 1. Коммунисты в ЧК	8
Глава 2. Проверка чекистов	12
Глава 3. Агентурное дело «Люся»	15
Глава 4. Суд и расправа в ЧК	19
Глава 5. Сонька «Незолотая Ручка»	23
Глава 6. Убийство Энвер-паши	29
Глава 7. ГПУ и контрабандисты	36
Глава 8. Судебная комедия	41
Глава 9. Кража консульских шифров	46
Глава 10. Троцкизм среди чекистов	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Георгий Агабеков
Секретная политика
Сталина. Исповедь резидента

© Агабеков Г. С., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Предисловие автора

В середине прошлого года я открыто порвал с ГПУ, где я работал в течение 10 лет беспрерывно. Не будучи уверен, что я останусь в живых после того, как о моем намерении станет известно руководителям ГПУ, я составил записки о деятельности ГПУ во всех странах мира, которые могли быть опубликованы даже после моей смерти. В то время моей основной задачей являлось разрушить, дезорганизовать весь налаженный десятилетием секретный аппарат ГПУ за границей. Для этого нужно было разоблачить весь людской состав секретных агентур, что я и сделал в своих записках, указав почти всех агентов ГПУ во всех странах Востока и Запада, которые мне были известны.

Мои «записки» достигли поставленной цели. Часть агентуры ГПУ была арестована правительствами стран, где они вели свою шпионскую деятельность. С другой же частью ГПУ прервало связи, исходя из принципа разведки: «разоблаченный агент теряет всякую ценность». В аппарате иностранного отдела в Москве вождям ГПУ также пришлось произвести массовые пертурбации. Разоблаченные резиденты ГПУ уже не могли быть использованы для заграничной работы. Их нужно было заменить новыми кадрами. Эта же мера диктовалась тем, что многие резиденты были моими личными друзьями и вожди ГПУ боялись, что, вырвавшись за границу, они могут примкнуть ко мне и дополнить мои разоблачения.

Таким образом, иностранный отдел ГПУ к концу 1930 года, после десятилетней стройки, в течение которой сумел раскинуть густую шпионскую сеть по всему миру, оказался у вдребезги разбитого корыта.

Но жизнь не ждет, и ГПУ приступило к подготовке новых резидентов, которые должны снова начать прясть свою шпионскую сеть по всем странам.

В связи с этим является своевременным разоблачить другую, не менее важную сторону работы ГПУ – комплектование работников ГПУ и методы работы чекистов за границей. Я обещал это сделать в своей предыдущей книге («ГПУ. Записки чекиста», которая была издана в Берлине в 1930 году – прим. ред.), но это мне не удалось по ряду причин, и я стараюсь сдержать свое обещание выпуском настоящей книги. Читатель, я надеюсь, познакомится не только с методами чекистов, но и с психологией самих чекистов и легко их узнает, встретив на своем жизненном пути.

В этой книге, так же как и в первой, я привожу исключительно фактические данные, по которым я готов дать объяснения и нести ответственность перед любым заинтересованным правительством или лицом.

Глава 1. Коммунисты в ЧК

«Товарищи! Класс помещиков и капиталистов у нас уничтожен. Вместо царской России – теперь РСФСР. Власть находится в руках трудящихся, в руках рабочих и крестьян. Мы победили на фронте военном. Авангард пролетариата, коммунистическая партия, призывает всех трудящихся на новый фронт – фронт трудовой: для восстановления страны, разрушенной годами империалистической и гражданской войны...», – монотонно, по складам читал политрук передовицу екатеринбургской газеты «Уральский рабочий»¹ сидящим вокруг него на нарах красноармейцам.

Это был урок политической грамоты – политчас в казармах 210-го батальона войск ВНУС (Внутренней службы)². Стоял ледяной мороз. Казармы, несмотря на то что стояли холода, не отапливались. Не было дров. Красноармейцы ежились в своих рваных шинелях и слушали чтение политрука.

Я, 24-летний юнец, будучи военкомом батальона, расхаживал по помещению своего батальона, подходя то к одной, то к другой группе занимающихся, и следил за занятиями. Мне было холодно, как и всем остальным, и я шагал все чаще и чаще, чтобы отогреть окоченевшие ноги. Прохаживаясь, я с наслаждением думал о конце политчаса, когда я смогу пойти в канцелярию батальона, погреться у маленькой железной печурки и проглотить горячего кипятку, заменяющего чай. Мечты мои прервал голос батальонного писаря, прибежавшего в одной рубахе с разносной книгой в руке.

– Вам срочный пакет из губкома, товарищ комиссар, распишитесь, – обратился он ко мне, передавая разносную книгу с пакетом.

Расписавшись в книге, я вскрыл пакет. «Члену РКП(б) тов. А. Получением сего предлагается Вам немедленно явиться в губком партии РКП(б) к заведующему учраспредом³ тов. ...», – пробежал я письмо. «Зачем это я понадобился в губкоме? Наверно, опять сделать какой-нибудь доклад, а то еще хуже – руководить субботником», – подумал я, пряча отношение в кармане.

Губком помещался недалеко от казарм, и я решил сходить туда до конца занятий и узнать, в чем дело, за десять минут я уже был в губкоме, дождавшись очереди, подошел к заведующему учраспредом и протянул ему письмо.

– А! Тов. А., по постановлению губкома вы направлены в распоряжение губчека, где срочно требуются сотрудники-коммунисты. Списки на вас посланы еще вчера, потому советую вам завтра же с утра явиться в распоряжение губчека, – сказал заведующий и вслед за этим повернулся и начал говорить со следующим посетителем.

Я медленно отошел от него и, выйдя из губкома, направился в казарму. Занятия шли к концу, но они меня уже перестали интересовать. Я даже забыл о предстоящем горячем кипятке.

¹ «Уральский рабочий» – орган Свердловского обкома и горкома КПСС, областного и городского Советов. Издавался с 1 февраля 1907 г. под названием «Рабочий».

² Войска ВНУС (Войска внутренней службы) – специальные воинские формирования, выполнявшие задачи по охране тыла в РСФСР с 1920 г. Были созданы постановлением Совета труда и обороны от 1 сентября 1920 г. В их состав вошли войска ВОХР (Войска внутренней охраны республики), караульные части, войска обороны железнодорожной прифронтовой полосы, транспортная (железнодорожная и водная) милиция. Войска ВНУС находились в подчинении НКВД и главкома Вооруженных Сил. Высшим органом их управления являлся штаб Войск ВНУС во главе с командующим. Войска ВНУС включали 363 формирования, дислоцировавшихся в 9 военных округах на 3 фронтах, 17 железных дорогах и в 2 водных областях. К концу 1920 г. численность Войск ВНУС составляла 360 тыс. человек (14 дивизий и 18 бригад). Они охраняли пути сообщения, наиболее важные предприятия, склады, учреждения связи и другие объекты, вели борьбу с бандитизмом. Постановлением СТО от 24 ноября 1920 г. на них была возложена также охрана государственных границ. 19 января 1921 г. Войска ВНУС, из состава которых были выведены войска ВЧК, железнодорожная и водная милиция, постановлением СТО были переданы в военное ведомство.

³ Заведующий учраспредом – заведующий отделом по учету и распределению кадров губкома партии.

Я мог думать только о том, что с завтрашнего дня я буду сотрудником ЧК, о которой много слышал как о беспощадном органе диктатуры пролетариата, не знающем пощады к врагам революции.

О которой все население пело частушку:

Ой, яблочко, куда катишься,
В губчека попадешь, не воротишься...

С завтрашнего дня я буду называться чекистом. У меня мелькнула мысль: «А что я там буду делать? Ведь я, в сущности, только старый солдат, несмотря на 24 года, и ничего, кроме войны, не знаю. Может, мне поручат расстреливать приговоренных? Ведь там, говорят, расстреливают десятками каждую неделю. Нет, я на такое дело не пойду. Да и зачем им брать на такую работу военкома батальона? А, впрочем, завтра увидим!»

К 9 часам следующего утра я уже подходил к зданию ЧК, помещавшемуся на Пушкинской улице. Широкое двухэтажное деревянное здание. У входа стоит часовой-красноармеец, вооруженный винтовкой, револьвером и шашкой. Я медленно направляюсь ко входу.

– Пропуск, товарищ! – спрашивает часовой у меня.

– У меня еще нет пропуска, я только что назначен в ЧК, – отвечаю я неуверенным голосом.

– Третья парадная налево, в комендатуру. Там спроси пропуск, – указывает мне часовой.

Подхожу к комендатуре. Дверь наверх, и рядом ворота во двор. Снова часовые у двери и у ворот. Ниже слышны какие-то смутные голоса. Я посмотрел вниз и увидел узкие решетки подвальных окон, полузамерзших от мороза. В просветах видны людские головы. «Это, наверное, подвал губчека», – думаю я и, отвернувшись, быстро вхожу в комендатуру. Длинная комната, разделенная деревянной перегородкой с маленькими оконцами. Я просунул свой мандат и партийный билет в одно из окошек. Через пару минут высунувшаяся рука возвратила мне бумагу и пропуск.

– 2-й этаж, комната 8, к тов. Корякову, – дал мне указание дежурный комендант.

Я возвратился с пропуском к большому зданию. Часовой, осмотрев пропуск, пропустил меня, и я прямо по лестнице поднялся на второй этаж. Перед дверьми стоял второй часовой, уже только с одним револьвером. Он также проверил пропуск и пропустил меня за дверь. Я вошел в узкий коридор, освещенный электрической лампочкой. По бокам коридора – двери с номерами. Налево я заметил № 8 и подошел к нужной мне двери. «Уполномоченный по борьбе с контрреволюцией», – читаю я на двери. Значит, сюда. «Входи», – слышу голос на мой стук и, открыв дверь, вхожу. Маленькая, не более 5 кв. метров, комната. У окна письменный стол, в одном углу небольшой несгораемый шкаф, какой-то деревянный шкаф с бумагами и несколько кожаных кресел. На стене висят портреты Ленина и Дзержинского; за письменным столом сидел парень лет 26 с папашкой на голове, из-под которой выбивались светлые волосы. Полушубок из оленьей кожи и кольт, висевший на ремне через плечо. Он что-то писал.

– В чем дело, товарищ? – спросил он, мельком взглянув на меня и продолжая писать. Я начал рассказывать о своем назначении в ЧК и одновременно разглядывал каракули, которые он старательно выводил на бумаге. Вдруг, не дав мне закончить, внезапно оторвался от бумаги и подскочил к окну.

– Пойди сюда! Смотри! – подозвал он меня. – Видишь того буржуя в черной шубе? – спросил он. Я посмотрел в указанном им направлении и увидел человека, одетого в черное, проходившего по противоположному тротуару.

– Вижу, – ответил я.

– Беги за ним и проследи, что он будет делать сегодня до 12 часов ночи. Завтра придешь в это время и письменно доложишь о своих наблюдениях, – прибавил он.

– Да, но я командирован... – начал было я.

– Засохни и брось свои комиссарские привычки заниматься демагогией. Делай, что приказывают, товарищ! – скомандовал он.

Я подумал, что, пока я буду спорить, человек на улице уйдет, и я его потом не найду. Взяв свой пропуск, я стремительно выбежал из комнаты и бросился из здания.

– Стой, товарищ! Пропуск! – остановил меня часовой, загораживая дорогу штыком.

Я подал ему пропуск. Он не спеша, внимательно осмотрел бумажку и насадил ее на штык.

– Проходи!

И я стремглав полетел за человеком в черном. Догнал на углу и, обогнав, заглянул ему в лицо. Это был человек средних лет, с типичным русским лицом. Серые глаза, светлые усы и борода. Одет он был в черного меха шапку и в черную же поповскую шубу с енотовым воротом. Он шел спокойными шагами, не обращая на меня никакого внимания. Но я вдруг вспомнил кучу прочитанных мною детективных романов, где, как правило, шпики следили за своими жертвами незаметно для них, и так же, чтобы не быть замеченным своим объектом, несколько отстал от него, а затем даже перешел на противоположную сторону улицы. Так мы шли минут пять. Черное пальто, дойдя до здания коммунального хозяйства, вошло туда. Спустя минуту я зашел вслед за ним. Я нашел мой объект в коридоре, разговаривающим с другими посетителями, которые, обращаясь к нему, называли его «товарищ заведующий». Так это был заведующий коммунальным хозяйством, который с утра шел к себе на службу, и, вероятно, он пробудет здесь до конца занятий. Так оно и оказалось. Он направился к себе в кабинет и больше не выходил. Мне ничего не оставалось, как ждать. Я бродил вокруг этого учреждения до 4 часов дня. В четыре заведующий вышел со службы и пошел к себе домой. Следя за ним, я также пришел к его дому и зашел к председателю домкома, где я узнал фамилию моего объекта, его семейное положение и прочие мелочи. Покончив с этим, я опять стал ждать, но так и не дождался выхода моего «буржуя». Он, видимо, был добрый семьянин и сидел в кругу своей семьи. Я же, как проклятый, ждал его до 12 часов ночи на морозе, не евши. В полночь я, оочевенный, проклиная свою новую службу, вернулся к себе на квартиру.

На следующий день я опять очутился в губчека в комнате № 8. Там я застал, кроме вчерашнего субъекта, еще одного. Среднего роста, добродушного вида, с круглым, румяным лицом и опущенными по-крестьянски вниз усами, он сидел по другую сторону письменного стола, в пиджаке, одетом на русскую рубаху.

– А, здорово, товарищ! Ну, как дела? – обратился ко мне мой вчерашний знакомый.

Вместо ответа я подал ему приготовленный рапорт о моих вчерашних наблюдениях. Взяв бумажку, он, не читая, бросил ее на стол и обратился к человеку в пиджаке:

– Вот, товарищ Коряков, губком прислал нам нового работника. Парень ничего, шустрый.

Я поздоровался с Коряковым. Это и был уполномоченный по борьбе с контрреволюцией. Ознакомившись с моими бумагами, Коряков открыл ящик стола и извлек несколько листов бумаги.

– Вот, товарищ А., заполните эти две анкеты, напишите свою автобиографию и подпишите подписку. Вы будете моим помощником по секретной агентуре. Садитесь здесь к столу и пишите, – сказал Коряков, подавая мне бумаги.

Я взял подписку и начал читать:

«Я... сотрудник Екатеринбургской губчека, обязуюсь выполнять все распоряжения ВЧК и ее органов. Обязуюсь сообщать обо всем слышанном и замеченном, могущем принести вред советской власти, своим ближайшим начальникам. Все мне известное по работе в органах ЧК обязуюсь хранить в строгой тайне. В противном случае я буду подвергнут высшей мере наказания – расстрелу».

Я написал автобиографию, заполнил анкеты и расписку. Коряков, взяв бумаги, аккуратно вложил их в папку, на которой старательно вывел: «Личное дело сотрудника ВЧК Агабекова».

И так же аккуратно, открыв несгораемый шкаф, положил эту папку на пачку других такого же рода.

Так я был принят в ЧК. Отныне я должен быть чекистом. Должен смотреть, слушать и доносить. Сегодня коммунист, а завтра чекист. Какая разница! Ленин сказал, что каждый коммунист должен быть чекистом.

Глава 2. Проверка чекистов

Это было месяц спустя, после того как я был назначен в губчека. Благодаря моей, сравнительно с другими, грамотности мне поручались все более крупные дела. Однажды вечером я был срочно вызван уполномоченным Коряковым.

– Вот, товарищ А. ...Имеется очень опасное и ответственное дело, которое я хочу поручить вам. Дело в том, что вчера ночью наши агенты задержали подозрительное лицо, которое, по агентурным данным, ехало на какой-то тайный съезд в Екатеринбург. При обыске у него обнаружен клочок бумаги с адресом одного лица, живущего здесь, в Екатеринбурге, и пароль «Сибирь – тезка Уралу». На допросе он отказался отвечать на вопросы, видимо, чтобы оттянуть время и дать возможность организации замести следы. Поэтому мы решили послать по обнаруженному адресу нашего человека с найденным паролем, дабы скорей выяснить, в чем дело. Вы не побоитесь принять эту задачу на себя? – спросил он.

– Нет, конечно, – ответил я, – но я бы хотел знать больше подробностей о задержанном лице, чтобы не попасть впросак.

– Других данных, кроме того что я сказал, нет. При нем же найден еще железнодорожный билет, из которого видно, что он ехал из Томска. Вот и все. Кстати, имеете ли вы револьвер?

– Да, наган всегда при мне, – ответил я.

– Так и прекрасно, товарищ! Вот вам адрес и пароль. Идите туда сейчас же, а завтра доложите мне о результатах.

Я вышел из ЧК и направился по указанному адресу. Нужная улица находилась где-то у пруда за городом. После долгих поисков я нашел номер дома и остановился перед маленькой калиткой. Предварительно проверив револьвер, я постучал. Дверь открыла пожилая женщина.

– Здесь живет гражданин П.? – спросил я.

– Да. Пожалуйста, входите, – любезно пригласила она.

Я поднялся по лестнице за женщиной, которая проводила меня в комнату и, попросив подождать, вышла.

В ожидании я разглядывал комнату. Единственное окно во двор. Скромная мебель. Стол, над которым висит большое зеркало. На стенах картины. Среди них я вижу портрет Карла Маркса. «Странно, – подумал я, – зачем у контрреволюционера висит Маркс? Наверно, чтобы лучше себя замаскировать», – ответил я сам же на свой вопрос.

В это время вошел высокий, здоровенный мужчина с чисто бритым лицом, одетый в сюртук. Войдя, он вопросительно посмотрел на меня. Я, так же ни слова не говоря, протянул ему написанный на клочке бумаги пароль. Рука невольно крепче сжала рукоятку нагана в кармане шинели.

– А, наконец-то вы приехали. А мы вас ждали раньше. Что так задержались? – спросил он, держа в руках пароль.

– Трудно было с устройством документов, да и поезда сейчас, сами знаете, как ходят, – ответил я.

– Да, да! Ну, ладно, давайте выйдем прогуляться и потолкуем на свежем воздухе, – предложил он, надевая шубу.

Застегнувшись, он повернулся ко мне спиной и что-то шарил в кармане. Я взглянул в зеркало и увидел, что он перекладывает браунинг из кармана брюк в пальто.

Невольная дрожь пробежала по моему телу. Что, если он угадал, что я не тот, за кого себя выдаю? Что, если он меня пристрелит здесь, на окраине города, и концы в воду?..

Мы вышли вместе. Мой спутник предложил пройти к чернеющему недалеко лесочку.

– Нет, уединяться опаснее, – возразил я, – лучше будем ходить по главным улицам. Меньше подозрений.

А сам думал: «На главных улицах он не посмеет стрелять».

Он не возражал. Мы пошли по направлению к городу.

По ходу он задавал вопросы о состоянии «нашей организации» в Томске, о настроении членов партии, об отношении к нам населения и т. д. Я ему что-то плел, стараясь не дать ему возможность меня расшифровать.

В свою очередь, я начал расспрашивать о состоянии организации в Екатеринбурге.

– О, у нас здесь, видимо, поставлена работа лучше, чем у вас. Мы имеем мощную организацию. Много наших членов среди армии и даже в коммунистической партии. Оружия сколько угодно. Так что если будет постановление съезда, то скоро можно будет начать выступление против Советов. Да, кстати, – продолжал он, – вы приготовили тезисы вашего доклада на съезде?

– Нет еще, я вообще боюсь держать у себя что-либо компрометирующее, – ответил я, а сам подумал: «однако дело серьезное; собирается какой-то съезд».

– Приготовьте тезисы к съезду и передайте их мне послезавтра вечером при новой встрече, – предложил он мне.

Погуляв еще немного, мы попрощались. Я поплутал немного по улицам, дабы убедиться, что за мной нет наблюдения, и затем поспешил домой.

На следующее утро я сделал подробный доклад Корякову о своей встрече и беседе.

– Прекрасно, продолжайте, – сказал Коряков, потирая руки. – Я заготовлю тезисы к завтрашнему дню, вы их передадите ему.

В назначенный вечер я пришел на место свидания раньше времени.

Тезисы доклада лежали у меня в кармане. Я расхаживал по мерзлому снегу, чтобы согреться и не подавать вида прохожим, что я кого-то жду.

В условный час подкатили прекрасные сани, из которых вышел ожидаемый мною человек. На этот раз он был одет в военную форму. На нем была прекрасно сшитая кавалерийского образца шинель и буденовка с большой красной звездой. Он быстро подошел ко мне.

– Я очень тороплюсь. Послезавтра состоится съезд всех делегатов. У меня масса работы по организации съезда. Давайте ваши тезисы. Вам нужно послезавтра в 9 часов вечера быть у городского театра. Сперва проедет мотоциклетка, а за ней следом будет идти автомобиль, который остановится около вас. Вы подойдете к шоферу и скажете пароль: «Светло», на что он ответит: «Но холодно». Тогда спокойно садитесь в машину, и вас доставят на съезд.

Я не успел ничего ответить, как он вскочил в сани и помчался дальше. «Сведения чрезвычайно важные. Я должен их сообщить немедленно», – решил я и, несмотря на поздний час, направился прямо в губчека.

Корякова не было. Он где-то на операции, иначе говоря, производил обыск и арест. Я решил пойти к самому начальнику секретно-оперативной части ЧК Хромцову и доложить обо всем.

– Войдите! – ответил голос на мой стук в дверь. Я вошел. Большая комната. На полу ковры. У стены за громадным письменным столом сидит Хромцов. Лет под 40, с бритым полукруглым лицом, хитро бегающими зеленоватыми глазками. Стриженная голова с лысиной. Перед ним на столе куча бумаг. Настольная лампа, пара револьверов и колбаса с хлебом. На стене за его спиной висят несколько нагаек. Это и был Хромцов, одно имя которого наводило ужас на арестованных в губчека.

– В чем дело, товарищ? – обратился он ко мне, одновременно уплетая колбасу.

Настроение у него, как видно, было хорошее. Я ему рассказал подробно о своей встрече и о готовившемся съезде контрреволюционеров.

– Хорошо, до завтра времени еще хватит разделаться с этой бандой. Доложите завтра утром Корякову, и он примет меры, – сказал он и, поднявшись, направился к шкафчику у стены.

Я, считая разговор законченным, повернулся и пошел к дверям.

– Подожди, – окрикнул меня Хромцов, открывая шкафчик. – Хочешь выпить? – спросил он меня, доставая из шкафа бутылку со спиртом. Я согласился. Хромцов налил чайный стакан и залпом выпил. Наполнив вторично, он передал мне. Я не пил. Долгое время, кроме того, я не кушал в этот день. Спирт ударил мне в голову; я зашатался.

– Что, слаб ты, я вижу, по этой части? – сказал Хромцов, ухмыляясь. – На, закуси, пройдет. – И он мне передал хлеба и колбасы.

Я вышел из ЧК поздно. Лунная, морозная январская ночь. Снег хрустел мягко под валенками, а выпитый спирт разливал теплоту по всему телу. На душе так же хорошо. Я выполнил долг коммуниста-революционера. Я раскрыл контрреволюционный заговор.

На следующее утро я пришел на службу с подготовленным подробным рапортом о вчерашних похождениях. Не успел я открыть дверь комнаты № 8, как дружный хохот встретил меня. Не понимая, в чем дело, обвел взглядом комнату, и – о, ужас: за столом напротив Корякова сидел мой таинственный «организатор съезда», усмехался.

– Вот, познакомься, – продолжая смеяться, обращался ко мне Коряков. – Это мой другой помощник по секретной агентуре. Видишь ли, мы просто организовали твою эту историю, чтобы посмотреть, как ты будешь держаться и чем вообще дышишь. А теперь давай примемся взаправду за работу по борьбе с контрреволюцией.

Так проверяли и проверяют преданность молодых чекистов.

Глава 3. Агентурное дело «Люся»

На окраине города Екатеринбурга большой участок земли, обнесенный высокой древней стеной. Внутри ограды несколько старых и новых крепких построек и обширная церковь. Двор разбит на дорожки, обсаженные деревьями, выглядевшими такими же древними и крепкими, как и постройки. Эта усадьба до революции была отведена под женский монастырь.

Ныне монашенки в большинстве разбежались, а оставшиеся несколько старушек переселились в маленький флигелек и промышляют обшиванием золотом знамен Советов.

В главном же здании был размещен кавалерийский полк, а церковь была обращена в клуб для красноармейцев.

Иконы и другая церковная утварь были вынесены на чердак и брошены на произвол судьбы. Стояла зима, не было дров, и красноармейцы рубили деревья на дворе монастыря, оголяя аллеи, несмотря на то что рядом за оградой начинался лес. Иконы же и другую утварь брали для разжигания сырых дров.

В одном из монастырских флигелей жили люди, не имевшие никакого отношения ни к монастырю, ни к красноармейцам. Это были главным образом мелкие советские служащие, о коих никто не заботился, или же люди, выгнанные реквизицией из своих домов и не нашедшие другого жилья, как эти старые маленькие комнатки, служившие, видимо, кельями прежним обитательницам.

В этом же флигеле жила молодая девушка Люся с маленьким братом. Потерявшая во время Гражданской войны родителей, она служила в каком-то советском учреждении и содержала себя и брата.

Не помню, как и где я с ней познакомился, но она мне понравилась своим энергичным, сильным и бойким характером. Я, видимо, так же не был ей безразличен, поэтому я часто проводил в ее крохотной комнатке свои свободные вечера.

По своей работе в губчека я имел задание вербовать секретных агентов во всех слоях населения, подходящих для информационной работы. И я решил завербовать Люсю. Я хотел этого не потому, что она могла быть полезна чем-либо, а лишь потому, что я видел ее нужду, доходившую до голода. Ведь она получала 3/4 фунта хлеба в день на двоих. Устроив же ее в число секретных информаторов, я мог бы выписывать для нее усиленный паек продовольствия из обильных запасов ЧК.

Однако в беседах с ней я не знал, как лучше приступить к этой щекотливой теме, и часто сидел в задумчивости.

– Что ты все думаешь? – как-то спросила Люся в один из таких моментов.

– Да так, дела, – ответил я уклончиво.

– Я вообще замечаю, что ты в последнее время что-то много думаешь. К чему-то готовишься. Поделись со мной, скажи, в чем дело? – продолжала она.

– Ах, что говорить! Все равно ведь не сможешь помочь!

– А может быть, и смогу. Я ведь не такая уж дура, говори, в чем дело. Заговор какой-нибудь, что ли? – спросила она с любопытством.

Тогда я решился раскрыть перед ней карты и предложить работать для ЧК. Но прежде чем я начал свою речь на эту тему, я как-то машинально спросил:

– Скажи, Люся, кого ты больше любишь, белых ли красных?

– Как тебе сказать, – задумчиво ответила она, – к белым я отношусь равнодушно, а красных я ненавижу всей душой.

Я был огорошен искренностью ее ответа. Значит, она должна ненавидеть меня. Хорошо, что она не знает, что я тоже коммунист, тем более – чекист.

Я молчал. Я не мог больше и думать о вербовке ее в информаторы ЧК.

– Скажи, верно ли я угадала, что ты подготавливаешь восстание. Я ведь тоже могу помочь в этом деле, – продолжала она.

– А чем ты могла бы помочь? – задал я вопрос.

– А что нужно?! Я же не знаю. Скажи, что нужно прислать? – приставала она.

– Ну, что бывает нужно для восстания? – уже равнодушно говорю я. – Конечно, люди, деньги и оружие.

– Я могу помочь тебе людьми, – вдруг выпалила она.

– Как, какими людьми? – в тревоге спросил я.

– Видишь ли, – начала она, – здесь в лесах сейчас скрывается очень много красноармейцев-дезертиров, это в большинстве крестьяне из окрестных деревень, их мобилизовали в армию и хотели отправить на польский фронт, а в то же время их хозяйства подвергают всевозможным реквизициям. Узнав об этом, они убежали со службы и скрываются в лесу. Я их часто встречаю, так как их семьи приносят для них хлеб сюда, а я уже передаю им в лес. Ах! Если бы ты слышал, что рассказывают они и их семьи о коммунистах! Ты бы их так же возненавидел, как я, – продолжала она. – Их сейчас в лесу около 50 человек. Они хотят подобрать еще человек 50, достать оружие и начать партизанскую войну против большевиков.

Я сидел ошеломленный и слушал. Оказывается? тут у меня под боком организовывается банда для борьбы с советской властью. Я чекист и поэтому должен немедленно доложить об этом в ЧК. Я должен раскрыть и арестовать эту группу. Да, но Люся! Как быть с ней! Что будет с ней, если я донесу? Ведь ее тоже арестуют. Мало того, возможно, что и расстреляют. А ведь она же не знала, кому доверилась! Наконец, она мне нравится, может быть, даже я ее люблю. Что делать?

– Ну, что же ты молчишь? – оборвала Люся мои мысли. – Хочешь, я познакомлю тебя с ними?

– Подожди, посмотри, нужно подумать, – ответил я. Я больше не мог сидеть в ее комнате. Я должен уйти и в самом деле подумать. Немного спустя я попрощался и вышел из монастыря на улицу.

Уже ночь. До дома далеко – километра два. Холодный ледяной ветер поднимает снежную пыль и носит ее по пустынным улицам. Я шел и, не чувствуя холода, по привычке кутался в шинель. Шел и обдумывал только что слышанное. Докладить в ЧК или нет? Чувство долга боролось с чувством к женщине, к человеку. Мысли в голове путались. Ах, если бы можно было с кем-нибудь посоветоваться, поделиться. Но с кем? Чем я гарантирован от того, что мои друзья также не работают для ЧК? Даже Люся. Не второе ли это испытание со стороны ЧК?! Я лег спать, не придя к какому-либо решению.

Утром, как обычно, я пришел на службу в ЧК. Поздоровавшись, я занял свое место и, раскладывая бумаги, посмотрел в сторону уполномоченного Корякова. Он также смотрел на меня ласковым, немного смеющимся лицом. Точно он знал о моем вчерашнем приключении. Знал о моем душевном состоянии и подбадривал меня своей улыбкой.

Это был момент, когда я почувствовал, что вопрос для меня решен. Я должен немедленно сообщить ему о дезертирах. Я чувствовал, что я должен принести в жертву не только Люсю и свои чувства к ней, но, если потребуется, и самого себя. Ведь на то я коммунист-чекист, призванный защищать революционные завоевания пролетариата.

– Товарищ Коряков, у меня к вам важное дело, – сказал я, подсаживаясь к нему. И я пересказал ему мой разговор с Люсей во всех подробностях.

– Хорошо, напиши рапорт и заведи агентурное дело. Приготовь все к 12 часам, чтобы я успел доложить Хромцову.

Я написал рапорт и, подписав его, вложил в папку, на которой большими буквами вывел: «Агентурное дело, дезертиры, кличка “Люся”».

Коряков вернулся с доклада улыбающийся и довольный.

– Тебе придется разрабатывать это дело дальше, пусть их соберется побольше. За это время постарайся установить с ними связь и выясни точное место их пребывания, их намерения и, главное, нет ли у них связи с контрреволюционными партиями, – приказал Корякин, возвращая дело.

– Слушаю, – ответил я.

Вечером я опять у Люси. На этот раз я уже сам заводил ее на разговор о дезертирах.

– Да вот двое из них скоро придут сюда. Если ты хочешь, я тебя познакомлю с ними, – предложила она.

Я с равнодушным видом согласился.

Спустя короткое время пришли дезертиры. Молодые крестьянские парни, одетые в черные деревенские полушубки и меховые шапки. Только американские ботинки и обмотки напоминали об их пребывании в армии.

Мы сидим за столом, пьем морковный чай без сахара и беседуем. Они мне сразу доверились. Живут они в лесу на заброшенной лесопилке. Жизнь опасная и нелегкая. В свои деревни показаться не смеют. Ненавидят комбеды, которые разорили их хозяйства в деревне, решили бороться с большевиками.

– Вот только плохо с оружием, – говорит один. – У нас всего три винтовки. Добиваемся оружия. Как только пополнимся, так начнем бить большевиков. Может быть, вы сможете достать оружие? – спросил он меня. Я ответил, что оружие, может быть, я сумею добыть из воинской части, где я служу.

– Но я боюсь, что у вас может оказаться шпион, который потом меня и выдаст, – добавил я.

– Да что вы. Там все наши ребята. Вот приходите к нам – и увидите сами, что за ребята, – пригласили они.

И мы тут же условились, что в следующее воскресенье они опять придут сюда за продуктами и поведут меня лес показать своих ребят.

Закинув мешки с сухарями за плечи, они ушли.

Уже спускались сумерки, когда в следующее воскресенье я вышел из монастыря в сопровождении знакомых дезертиров. Выйдя за ограду, мы направились к опушке леса. Долго мы шли вдоль опушки, пока, наконец, не свернули в лес и пошли по протоптанной снежной тропинке. Кругом стоял высокий стройный сосновый лес. Тишина. Я шел за быстро идущими спутниками. Прошли, наверное, около двух верст вглубь леса. Внезапно из темноты раздался голос:

– Кто идет?

– Свои, братишка, – разом ответили мои спутники. Из-за дерева вышел молодой мужик с винтовкой и подошел к нам. Обменявшись с ним несколькими фразами, мы пошли дальше, а часовой опять направился к своему посту.

Еще шагов двести, и среди деревьев промелькнул огонек. Наконец, открылась широкая поляна, на которой я увидел несколько развалившихся строений. В одном из них светился огонь и слышались голоса. Мы направились на огонь. Это был длинный дощатый сарай. Посередине ярко топилась печка-буржуйка, на которой что-то варилось. Вокруг печки, расположившись прямо на полу в полушубках и шинелях, человек двадцать грелись и беседовали. Были видны люди, лежавшие и вдали от огня. Сарай освещался толстой вагонной свечой, воткнутой в бутылку, стоявшую на подоконнике. Окна были забиты наглухо досками.

При нашем входе разговоры смолкли. Меня пропустили ближе к печке.

– Так вот, братишка, видишь, как живем, – обратился ко мне мужчина лет 35 с длинными унтерскими усами, закрученными кверху. – Вот дожили до власти народной, а народ-то, вишь, от своей власти в лесу прячется.

Постепенно все разговорились. Все жаловались и проклинали советскую власть, которая оказалась не лучше царской. Каждый приводил десятки примеров действия властей, которые разорили дочиста хозяйства крестьян.

После двухчасовой беседы я ушел, обещавшись помочь, чем смогу. До опушки леса меня провожали мои старые друзья.

Через неделю я еще раз пришел к своим «милым братьям» и принес им три берданки, которые было решено на заседании губчека передать дезертирам, чтобы укрепить их доверие ко мне. Прошло еще дней десять после этого, как однажды Коряков, вернувшись с докладом от Хромцова, сказал:

– Хромцов приказал сегодня ночью ликвидировать банду. Нужно также арестовать девицу. Операция назначена на 12 часов ночи. Ты возьмешь двух комиссаров и покажешь точно, где живет девица, а с дезертирами мы разделаемся сами.

В 11 часов того же вечера я с двумя комиссарами шел в монастырь. Пробравшись потихоньку по двору, подошли к флигелю, и я, оставив своих спутников дежурить, вошел к Люсе. Она, ничего не подозревая, приготавливала постель. Долго сидеть у нее я не мог. Что-то щемило в душе. Я представлял ее маленькое лицо через час, когда придут за ней комиссары с наганами. В последний раз оглянув комнату и попрощавшись, я поспешно вышел. Недалеко от флигеля прохаживались комиссары, ожидая условного часа.

Мне больше нечего было делать. Я пошел домой и лег в постель. Но я не мог уснуть. Я все время смотрел на часы и представлял себе, что делается в лесу и в монастыре. Сегодня все они будут ночевать в подвале губчека. Это была моя первая работа. Я не мог заснуть до утра.

Никакие доводы о долге коммуниста, о защите революции не давали успокоения. Перед глазами стояло лицо Люси, с укором вззирающее на меня.

Глава 4. Суд и расправа в ЧК

Большая комната в два окна, на которых висят полуспущенные шторы. Комната обставлена мебелью, обитой коричневой кожей. Два громадных роскошных письменных стола, покрытых малиновым сукном. На одном из них стоят два телефонных аппарата. На стенах висят портреты Ленина и Троцкого. Дверь занавешена желтой портьерой и обита войлоком и кожей, делающей ее звуконепроницаемой. Это кабинет председателя губчека Тунгускова.

Идет заседание коллегии губчека. За столом сидят Тунгусков, напротив него в креслах начсоч⁴ Хромцов и член коллегии Штальберг. Перед каждым из них листы чистой бумаги и список дел, подлежащих рассмотрению. За другим столом сидит старший следователь губчека Рабинович с грудой папок на столе, которые он нервно и торопливо перебирает.

Тунгусков – старый матрос, одетый и сейчас в матросскую форму, с впалыми щеками и выбитыми зубами, бритый, с редкими волосами, зачесанными назад. Вертит в руках цветной карандаш и просматривает московские газеты. Хромцов с опухшим от пьянства и бессонных ночей лицом, на котором выделяются маленькие, заплывшие хитрые глаза, развалившись в кресле, о чем-то оживленно спорит с рядом сидящей Штальберг. Это молодая, не более 25 лет, женщина с упрямым выражением лица, со светлыми, коротко стриженными волосами и серыми мертвыми глазами. Это и есть Штальберг, третий член коллегии губчека, наиболее бессердечный. Она иногда не только приговаривает к расстрелу, но и сама приводит приговор в исполнение.

– Ну, товарищи, заседание объявляю открытым. Товарищ Рабинович, начинайте доклад, – обратился Тунгусков к следователю, откладывая газеты.

Следователь взял первую папку и, вынув из нее лист бумаги с резюме дела, начал вслух читать; заканчивает он обычными словами: «Принимая во внимание вышеизложенное, полагаю применить высшую меру наказания – расстрелять».

Члены коллегии слушают следователя вяло или почти не слушают. Ведь это все уже согласовано до заседания.

– Есть какие-нибудь возражения, вопросы? – спросил Тунгусков.

Молчание.

– Утвердить, – пробормотал Тунгусков в сторону следователя и поставил цветным карандашом крестик рядом с фамилией, дело которой слушалось.

Следователь также сделал пометку на постановлении и, отложив первую папку, сейчас же начал читать следующее дело. Он торопится. Чем больше дел рассмотрят, тем лучше. Нужно скорей разгрузить подвал с арестованными и дать место новым... врагам революции. А времени так мало. Всего два часа заседает коллегия.

Наконец, заседание закончено. Следователь передал постановления членам тройки на подпись. Все, расписавшись, спешно разошлись. У каждого из них накопилось за эти два часа много новых дел.

Собрав бумаги, вышел за ними и следователь. Усталой походкой пройдя к себе в кабинет, бросил папки на стол и вызвал по телефону коменданта губчека.

Через несколько минут вошел комендант Попов, он высокий, широкоплечий детина, с рыжими, закрученными вверх усами. Он выглядит еще выше и здоровее рядом с маленьким и щуплым Рабиновичем, одет он в черный кожаный костюм. Через плечо на ремне висит наган. На груди приколоты большая звезда и красный бант.

– Ну как, работы много будет сегодня, тов. Рабинович? – спросил он, войдя в комнату следователя.

⁴ Начсоч – начальник секретно-оперативной части.

– 14 человек, – ответил Рабинович, передавая список коменданту. Комендант, покручивая усы, просмотрел список, не спеша сложил лист вчетверо и засунул в верхний карман кожаной куртки.

– Остальных шесть человек отправьте сегодня же в исправдом, – добавил следователь.

– Есть, – ответил комендант по-морскому, поправляя наган на ремне, и, повернувшись, ушел через внутреннюю дверь в комендатуру.

Большое полуподвальное помещение под комендатурой губчека. Саженой тридцать, не больше. Помещение разгорожено деревянными перегородками на три места. Никакого оборудования и мебели, если не считать электрических лампочек под потолком каждого отделения да парашек. Узкие в решетках окна выходят на улицу. Кое-где в окнах стекла выбиты и двери затянуты тряпьем или старым войлоком. Деревянный пол, отопления никакого. Да оно и не нужно, и без того душно, две двери ведут: одна – во двор, а другая – прямо в комендатуру. За запертыми дверями стоят часовые и смотрят через просверленный глазок внутрь помещения. Это и есть знаменитый подвал губчека.

Глубокая ночь. При свете электричества вповалку на полу, на своих мешках, шубах, а то и просто подложив под голову шапку, спят тревожным сном около 100 человек. Это арестованные. Тела покрывают все пространство. Негде ступить ногой. Душный, смрадный воздух стоит в подвале неподвижно. Тишину нарушают лишь тяжелые вздохи и бормотание во сне спящих. Изредка кто-нибудь, проснувшись, шагая через тела, подходит к параше, стоящей у двери, и возвращается на место.

Вдруг послышался лязг отпираемого замка и скрип двери. Все в подвале немедленно вскакивают, точно и не спали. Каждый про себя думает, не за ним ли идут. Но нет, это привели новых арестованных – новую партию контрреволюционеров. Красноармейцы пропускают в подвал новый десяток людей. Входят несколько бородатых, неуклюжих крестьян с мешками на плечах. Какой-то интеллигентного вида человек с чемоданчиком в руке: не то чиновник, не то коммивояжер и, наконец, старый деревенский поп, одетый в такой же дряхлый, как и он сам, тулуп.

Новоприбывшие вошли и боязливо высматривают, куда бы приткнуться. Старые обитатели придвигаются плотней, подбирают ноги и освобождают место для пришедших.

Какой-то шутник поздравляет прибывших с новосельем.

Прошло несколько минут. Уже мешки нашли себе место, и прибывшие, вытащив кисеты с деревенской махоркой, заворачивают собачьи ножки и предлагают табак соседям.

Кто-то задает вопрос: «Откуда, земляки?»

– Щадринские, камышовские, – слышны ответы. Находятся земляки, и разговор принимает оживленный характер.

– А кто его знает, за что посадили? За контру эту самую. А какая контра, и сам не знаю. Одно известно – весь хлеб отобрали вчистую. Семья нынче сидит голодом, а весной сеять будет нечего, – отвечает устало, безнадежным голосом один из прибывших.

Докурили сигарки и вновь укладываются спать. Воздух стал еще тяжелее от зловонного дыма махорки.

Начинает рассветать. Приходит дежурный комендант. За ним два красноармейца несут большой ящик с хлебом, нарезанным ломтями. Каждый подходит и по списку получает дневную порцию – полфунта черного хлеба. Другие красноармейцы вносят бак с кипятком, и начинается чаепитие.

После завтрака арестованные садятся группами и, закулив, делятся своими мыслями. Каждый рассказывает, за что его арестовали, и старается доказать, что за ним нет никакой вины, точно от убеждения собеседников зависит его освобождение. Так продолжается до сумерек. Вновь открывается дверь, и опять появляется дежурный комендант с листом бумаги в руках. За ним видны красноармейцы.

– Иванов, Петров, Сидоров... выходите с вещами на допрос.

Вызванные, наружно радуясь и улыбаясь, собирают шмотки и идут к выходу. На самом же деле в душе у них были тяжелые сомнения. Почему на допрос с вещами? Не ведут ли их расстрелять? Думают и улыбаются. Что же делать?

Дверь захлопнулась за ушедшими. Оставшиеся с напряжением ждут. Что будет с ушедшими? Если в течение двух часов они пройдут мимо окон подвала, то значит, что их или освободили, или же перевели в исправительный дом. Если же нет, то это значит, их вели в конюшню.

Но вот проходит час. Слышен шумный топот под окнами. Проходят арестованные под конвоем. Их ведут в исправдом, в тюрьму. Какие счастливы: они будут сидеть в тюрьме. Они останутся живы и, может быть, даже выйдут на свободу. А здесь, в подвале... горе оставшимся здесь.

Уже поздно. Наверное, не меньше 10 часов вечера, в подвале старики, подложив под головы мешки с сухарями, спят. Поп также заснул, сидя у стены и опершись о нее спиной. Наиболее молодые молча сидят и, уныло глядя в сторону, курят. Вдруг слышится топот ног за дверьми и звук отодвигаемого засова. Входит дежурный комендант.

– Иванов, Петров, Сидоров... на допрос к следователю, – кричит он, делая веселое лицо.

– С вещами или без вещей? – спрашивают неуверенным голосом некоторые коменданта.

– Лучше с вещами. Может, после допроса сразу освободят, не ворочаться же, – бурчит комендант, отводя лицо в сторону.

Начинаются сборы. Дежурный потирает глаза. Ведь следователь ждет.

– Ну, прощайте, братишки, может, и не увидимся больше, не поминайте лихом, – прощаются уходящие.

Некоторые на прощание целуются с оставшимися. Поп, проснувшись от шума, смотрит удивленными, непонимающими глазами на эту сцену и часто крестится.

Ушли. Дверь захлопнулась. Все опять сидят на своих местах, но никто больше не спит. Сон пропал. Каждый думает о своей участи. Вот увели этих на казнь. Когда придут за ним. Может быть, сегодня же.

Во дворе губчека, в дальнем углу у самой стены находилась конюшня. Это был длинный, темный сарай, где в одном углу были привязаны обслуживавшие ЧК лошади, а в другом, ближе к выходу, навалена огромная куча навоза.

Вот ведут из комендатуры по двору двух крестьян. Руки их крепко связаны назад веревками. За каждым из них идет комиссар в кожаной куртке, брюки галифе, и в правой руке наган. Несмотря на снег и стужу, крестьяне полураздетые и без шапок. Зачем им одежда, что им холод? Их ведут на казнь. Через несколько минут их не будет в живых. Дошли до дверей конюшни. Один покорно входит, а другой вдруг остановился на минутку у дверей и неожиданно для комиссара рванул от дверей и стал кричать. Точно он только что понял, что это его последний час. Он кричит, или, вернее, воет и плачет, и хочет вырваться куда-то. Но комиссар уже крепко держит его сзади за веревку и толкает к дверям конюшни. Они уже внутри у самой двери конюшни. Следом раздаются выстрелы в глубину. И все смолкло. Выходят, пряча револьверы в кобуры, палачи. Дрожащими руками закуривают папиросы «Зефир» и спешат в комендатуру за новыми жертвами.

В подвале арестованные не могут слышать криков и выстрелов в конюшне. Их слышит конюх из арестованных, спящий тут же, в конюшне. Он только приподнимает голову на минутку и смотрит на дверь широко раскрытыми глазами, полными ужаса, и затем внезапно прячется глубже в полушубок и лежит неподвижно до утра.

Слышны эти крики и наверху, в губчека. Хромцов, услышав вопли, на минутку замирает, а затем, вскочив, подбегает к шкафчику и, вытащив бутылку со спиртом, жадно тянет прямо из горлышка. Председатель Тунгусков торопливо закуривает новую папиросу, а Штальбег спокойно пудрит лицо реквизированной пудрой.

Красноармейцы поспешно бросают тела убитых на дровни, присматриваясь к валенкам, которые почище. Дежурный комендант торопит их, так как нужно до рассвета вывезти трупы за город и закопать в заранее приготовленных ямах.

Наутро комиссары идут домой отдыхать после ночной работы. Под мышками у них узелки. Это все, что они нашли ценного у убитых крестьян.

Контрреволюция уничтожена. Да здравствует власть рабочих и крестьян!

Глава 5. Сонька «Незолотая Ручка»

Я в Бухаре. Официально я устроился на службу начальником разведки в штаб Бухарской армии, фактически же я начальник агентуры нелегальной чека в Бухаре.

Повсюду на территории Бухарской народной республики⁵ свирепствует восстание против бухарского правительства. Перед нами стоит задача выяснить причины этого движения, а главное же – источники, которые поддерживают восставших.

Я проживал одновременно на двух квартирах. В Старой Бухаре я занимал две комнаты в казенном помещении недалеко от штаба армии, а в Новой Бухаре, расположенной в 12 верстах от Старой, занимал номер в единственной еще функционирующей гостинице «Европа». Это была небольшая комната с двумя дверьми, выходящими одна в коридор, а другая в смежный номер. Последняя была заставлена платяным шкафом.

Соседний номер занимал нелегальный резидент ЧК Окотов, проживавший по документам делопроизводителя какого-то учреждения и носивший фамилию Петров. Я, как и многие другие, был подчинен УЧК.

Я сидел поздно вечером в своем номере и составлял сводку сведений, полученных за день. Раздался троекратный стук в шкаф у смежной двери. Я встал, повернул ключ и открыл дверь шкафа. Оттуда вышел Окотов и сел на свободный стул. Это был высокий, худощавый мужчина с бритым продолговатым лицом и вдумчивыми, умными глазами. При людях мы никогда не встречались и делали вид, что незнакомы. Только по ночам он открывал смежную со мной дверь и через шкаф, задняя стенка которого была разобрана, проходил ко мне.

– Ну, что у тебя новенького? – спросил он, устало скользя взглядом по бумагам на столе.

– Ничего особенного, вот сводку для тебя составляю, – ответил я, откладывая бумаги в сторону.

– Ты помнишь, я как-то развивал теорию, что на Востоке при помощи хорошенькой, неглупой женщины можно многое сделать. Так вот, я тебе скажу, сегодня утром я встретил такую женщину, которая точно создана для нашей работы.

Тут у Окотова, против обыкновения, оживилось лицо.

– Да, совершенно случайно я встретил то, что нам нужно.

– Кто же это такая? – спросил я. – Уж не завлекла ли она тебя в свои сети, – смеялся я, ибо знал, что Окотов не из того теста сделан, чтобы увлекаться женщинами.

– Да нет! В том и дело, что я и сам не знаю, кто она, и даже не мог выяснить ее адреса. Да вот я лучше расскажу тебе по порядку. Сегодня утром, когда я сел в поезд, чтобы ехать в Старую Бухару, по обыкновению все места были заняты, и пришлось торчать на переполненной площадке вагона. Я стоял у самого выхода и смотрел на проходившие перед глазами декханские

⁵ Бухарская народная советская республика (БНСР) – провозглашена на территории бывшего Бухарского эмирата 8 октября 1920 г. Высшие органы власти – Всебухарский ревком во главе с А. К. Мухитдиновым и Совет народных назиров. В состав последнего вошли наряду с коммунистами представители других партий. Возглавлял Совет Ф. Ходжаев. В октябре 1920 г. правительство РСФСР признало БНСР суверенным государством. 4 марта 1921 г. в Москве делегация БНСР во главе с М. Мансуровым заключила между РСФСР и БНСР союзный договор и экономическое соглашение. В марте 1921 г. правительство республики заявило о своем намерении жить в полном согласии с Афганистаном. С конца 1920 г. до середины 1921 г. правительство РСФСР выдало БНСР безвозмездную денежную ссуду в сумме 4 млрд руб. и в дальнейшем выдавало по 2 млрд руб. ежемесячно, поставило мануфактуру, нефть, железо, медикаменты и другие товары. БНСР обязалась поставлять для текстильной промышленности РСФСР хлопок, шерсть и другие продукты сельского хозяйства. Правительство республики провело ряд преобразований: поэтапно осуществлялась конфискация эмирских и бекских земель и передача декханам; для решения национального вопроса были созданы специальные отделы при правительстве; провозглашено равноправие женщин. В сентябре 1921 г. утверждена конституция республики. 9 сентября 1924 г. БНСР перестала существовать как суверенное государство и была преобразована в Бухарскую советскую социалистическую республику (БССР). БССР ликвидирована в процессе национально-государственного размежевания республик Средней Азии: частично территория ее вошла в состав Узбекской, а частично – состав Туркменской и Таджикской ССР.

поля. Ты ведь знаешь, что я бывший эсер и не могу равнодушно смотреть на вспаханную землю. А тут еще эта живописная картина. Бухарцы в ярких, пестрых халатах с подобранными полами, босиком, топчутся в грязи, и в то же время на головах белые, как снег, тюрбаны. Работают, как во времена фараонов, примитивным способом засевая на своих маленьких клочках земли табак, хлопок, рис. Поневоле я смотрел на эту картину и думал: какой черт нас сюда занес устраивать мировую революцию. Не лучше ли оставить их в покое. Эх! Как только покончу с Бухарой, вернусь и сейчас же подам рапорт об увольнении. Хватит, больше нет сил.

– Ладно, это ты потом, – перебил я его. – А где же девочка, я все-таки не вижу.

– Да, так вот, стою я и вдруг слышу, за спиной какая-то женщина оживленно разговаривает, как видно, с двумя мужчинами. Уже по ее голосу я подумал, что она должна быть молодая, красивая и вдобавок умная женщина. Я не хотел оборачиваться. Мне хотелось попробовать угадать ее внешность, поэтому я продолжал слушать беседу, стоя к ним спиной. Из разговора я заключил, что у нее колоссальные знакомства в Бухаре и что она знает туземный язык. Поезд подходил к станционному семафору Старой Бухары, и через пару минут мы должны были быть на станции. Я обернулся и сразу встретился лицом к лицу с молодой женщиной с редким красивым лицом еврейки, с черными, как маслины, жгучими глазами. Из-под черной шляпки выбивались иссиня-черные густые волосы. Одета она была в черное же пальто и темно-синее платье. На шляпе я заметил три позолоченных квадрата, прикрепленных с правой стороны. Поезд остановился у станционной платформы, и она вышла в сопровождении собеседников на перрон. Я вышел за ними и, пройдя мимо, услышал, что ее спутники, прощаясь, называли ее Софья Владимировна. Вот все, что я узнал о ней.

– Немного, в сущности, – подумав, сказал я.

– Да, но ты знаешь мое чутье. Я уверен, что эта женщина нам будет полезна. Надо только ее разыскать.

– В том-то и дело. Но как? Мы здесь всего три недели. Агентурный аппарат ничтожный, а знакомств, в сущности, никаких, за исключением пары коммунистов, – возразил я.

– Однако давай попробуем, – начал опять Окопов. – Во-первых, что мы знаем о ней? Так как она ехала утренним восьмичасовым поездом, то, значит, она служит где-то в Старой Бухаре, поэтому ее можно встретить каждое утро на станции. Затем мы знаем ее наружность, и главная примета – это шляпа с квадратиками. Наконец, мы знаем, что ее зовут Софья Владимировна. Исходя из этих данных, пожалуйста, завтра же дай задание агентуре выяснить ее фамилию, место жительства и место службы, – добавил он уже начальническим тоном.

– Слушаюсь, – ответил я и придвинул к себе бумаги.

– Ну, я пойду к себе работать. Когда закончишь писать сводку, положи в шкаф, – сказал Окотов и скрылся тем же путем, каким пришел.

Я продолжал работать. Закончив сводку, я сжег все вспомогательные бумажки. Заперев сводку в шкаф, я положил ключ в карман, оделся и вышел через наружную дверь из отеля. Я спешил к двухчасовому ночному поезду, чтобы под утро быть на своей официальной квартире в Старой Бухаре.

Спустя два дня я опять сидел в «Европе» с Окотовым и докладывал ему, что за это время было сделано. О Софье Владимировне моей агентуре удалось выяснить, помимо всего того, что требовалось, также то, что она являлась невестой адъютанта военного министерства, который, по нашим сведениям, был начальником секретной агентуры при Совете народных назиров.

Получив нужные сведения, Окотов решил написать ей письмо с приглашением встретиться с ним.

– Вот увидишь, я ее завербую, – говорил он уверенно.

Я в душе не соглашался с его тактикой и думал, что его письмо останется без ответа, но я видел, что возражать бесполезно, и молчал.

Письмо было послано. Свидание было назначено в его комнате в отеле, и я должен был, сидя в своем шкафу, быть невидимым свидетелем встречи.

Вопреки моему ожиданию Софья Владимировна согласилась на встречу и пришла в назначенное время. Войдя в комнату, она сразу обратилась к Окотову со словами:

– Слушайте, я получила ваше письмо. Я не думаю, чтобы вы по пустякам назначали свидание. Я уверена, что вы серьезный человек и начнете прямо с дела, по которому вы меня вызвали.

Окотов, ошеломленный, начал говорить, что, в сущности, у него нет никаких дел, что он ее часто видит и она ему настолько понравилась, что...

– Я не пришла слушать ваши любовные признания, – прервала она его и, повернувшись, ушла, сердито хлопнув дверью. Я вышел из засады и нашел Окотова сидящим в удрученном состоянии. Мне стало жалко его за неудачу.

– Послушай, Коля, – сказал я, – дай мне взяться за нее, и ты увидишь. Разреши только недельку заняться ею.

– Нет, я сам. Посмотрим, чья возьмет, – отрезал он. Я вышел. На следующий день моя агентура сообщила, что «Сонька» (она уже получила кличку) играет активную роль в разведке Совета народных назиров. Еще через два дня, когда я пришел в «Европу», нашел печально сидящего за бутылкой коньяку Окотова. Он пил редко, почти никогда.

– Что случилось? – спросил я.

– Дело дрянь, я сегодня целый день не могу выйти дома. Я все время вижу за собой слежку. Вероятно, расшифрован, и мне нужно выехать, чтобы не провалить других. Я ему передал новые сведения о «Соньке».

– Так вот кто натравил на меня шпииков, – воскликнул он. – Ну, братишка, возьмиись за нее. Мне все равно теперь нельзя выходить на улицу, – предложил он мне.

Чудный южный мартовский день. Солнце еще не греет, а только ласкает своими лучами, напоминая весну на севере. К пятичасовому поезду из Старой Бухары в Каган собралась масса народу. Тут главным образом служащие, возвращающиеся со службы в Каган, где и живут. Много женщин, приехавших в Старую Бухару за покупками, и, наконец, немало и узбеков, ушедших в Каган⁶ провести вечер, а может быть, и ночь вдали от семей и знакомых.

Толпа частью разгуливает по перрону. Многие делали покупки у уличных торговцев сладостями и фруктами, которые толпятся у вокзала с лотками на головах, большая очередь стоит у билетной кассы.

Я издала слежу за «Сонькой», прогуливающейся по перрону с каким-то пожилым человеком. На ее лице неучастующее выражение, из чего я заключаю, что собеседник ей не интересен и она не прочь от него избавиться, продвигаюсь к ней ближе. Наконец, она, не прощаясь, отходит от своего спутника и направляется к торговцу миндалем.

– Извиняюсь, если не ошибаюсь, вы мадемуазель Кацман? – обратился я к ней.

– Да, а в чем дело? – спросила она, окидывая меня удивленно-любопытным взглядом.

– Я начальник разведки Бухарского штаба. Мне нужно поговорить с вами по одному очень важному делу, – отрекомендовался я.

– Пожалуйста, говорите, я вас слушаю.

– Видите ли, – начал я, – здесь неудобно говорить, ибо, повторяю, дело очень важное. Не согласитесь ли вы поехать со мною в штаб, где мы спокойно могли бы поговорить, – предложил я.

– Нет, – ответила она, взглянув на часы на руке, – я опоздаю к поезду.

– Это поправимо, – сказал я. – Вы сможете поехать в Каган на штабном фаэтоне. Я думаю, что так даже приятнее будет ехать.

⁶ Каган (до 1935 г. – Новая Бухара) – город с 1929 г. центр Каганского района Бухарской области Узбекской ССР.

Подумав немного, она согласилась.

Мы сидим в моем кабинете при штабе, роскошно обставленном мебелью и коврами, вывезенными из дворцов бывшего эмира бухарского.

– Так вот, Софья Владимировна... – начал я.

– Откуда вы знаете, как мое имя, отчество? – перебила она меня.

– Мы многое знаем, на то мы и разведка, – продолжал я. – Мы знаем, что вы хорошая патриотка, что вы очень умная женщина и что у вас большие знакомства. Наконец, нам известно, что вы обладаете настойчивостью и при желании всегда добьетесь ваших целей. Поэтому, needing в вашей помощи, я и решил прямо обратиться к вам.

– Чем же я могу быть полезной, – уже более мягко сказала она, польщенная моими словами.

– Я хочу просить вас принять участие в нашей работе и надеюсь, вы принесете очень много пользы. Особенно ценя вас, я предлагаю вам сразу исключительные условия. Я готов платить вам пятьдесят рублей золотом за каждый рапорт. Так что если в месяц вы дадите 30 рапортов, это составит 1500 рублей золотом, или 30 миллионов на нынешние бухарские деньги. Конечно, в вашей работе понадобятся непредвиденные расходы. Вам также нужно будет иметь хорошие туалеты. Это все также будет оплачиваться нами, – соблазнял я ее.

Она сидела и некоторое время обдумывала. Предложение для нее, видимо, заманчивое, но что-то ее удерживало согласиться.

Наконец, она заговорила:

– Да, все это хорошо, но я боюсь, что кто-нибудь узнает, что я у вас работаю шпионкой, а у меня родные, они скажут! Наконец, жених...

– Вы можете быть уверены, – прервал я, – что никто не будет и не должен знать. Мы даже наружно не будем подавать вида, что знакомы, а наши встречи будут происходить на конспиративной квартире, – уговаривал я.

– Хорошо, я согласна. Только имейте в виду, я не буду ничего писать своей рукой. Я только буду сообщать, что вам нужно, словесно.

– Прекрасно, это для нас безразлично, – согласился я, делая радостное лицо.

– А теперь говорите, что нужно, а то уже поздно.

Я дал ей пустяковое задание и адрес конспиративной квартиры, где мы должны в будущем встречаться. Мы вышли из кабинета, и я предложил ей ехать дальше одной, дабы не быть скомпрометированной такой компанией.

Вечером того же дня состоялся очередной доклад Окотову.

– Ладно, а что ты думаешь делать с ней дальше? – спросил он.

– А вот подожди, втянем ее постепенно в работу, там видно будет, – ответил я, хотя, признаться, и сам не знал, что я буду делать дальше. Но я был уверен, что обстоятельства подскажут.

Кацман начала работать очень усердно и добросовестно. Я ей давал все более сложные поручения, и она выполняла их без особых затруднений. Она уже могла дать много сведений о красноармейских частях, стоявших в Кагане. Она освещала жизнь и деятельность тогдашнего афганского консула в Бухаре Расула. От нее же я имел сведения о деятельности восставшего Энвер-паши⁷. Одновременно моя агентура следила за самой Кацман и выяснила, что она со своим женихом являются душой секретной разведки Совета народных назиров. По-види-

⁷ Исмаил Энвер, известный также как Энвер-паша или (первоначально) Энвер-бей (22 ноября 1881 – 4 августа 1922) – османский военный и политический деятель. Военный министр Османской Империи во время Первой мировой войны. Один из военных офицеров Турции, преобразовавших архаическую и слабую империю в современную Турцию. Один из руководителей басмаческого движения; идеолог и практик пантюркизма, военный. Активный участник Младотурецкой революции 1908 года, один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс». Военный преступник, один из участников и идеологов геноцида армян в 1915 году.

тому, пользуясь тем аппаратом, она легко выполняла мои поручения, зарабатывая себе личные деньги.

Теперь она была менее осторожна со мной. Она уже подписала несколько расписок в получении денег от меня. Она заполнила анкету, где ее настоящая фамилия стоит рядом с ее кличкой. Наконец, она даже принесла в последний раз два рапорта, написанных ее рукой. План расправы в голове у меня созрел.

Однажды Кацман по обыкновению пришла на конспиративную квартиру. Она застала меня сидящим за столом с печально опущенной головой.

– Что с вами? – спросила она, усаживаясь в кресло.

– Плохие дела, – начал я, – вчера ночью напился пьяный и не знаю, где потерял портфель. Сегодня я искал по всем местам, где был вчера, но портфеля не нашел.

– А что, там были деньги? – равнодушно спросила она.

– В том-то и дело, что не одни только деньги, – я сделал паузу. – Вы знаете, как я скрываю вашу работу для нас. Так вот, чтобы никто не знал о нашей связи, я все ваше личное дело всегда хранил при себе в портфеле. И вот теперь портфель пропал, вместе с бумагами. Не знаю, что и будет.

Мгновение она сидела и соображала. Затем она вскочила, как ужаленная.

– Так что же вы сидите? Нужно же разыскать. Ведь что будет со мной, если кто-нибудь прочтет эти бумаги. Я же тогда пропала. Что скажут мои родные! Ах! – и она начала плакать.

– Бросьте, не нервничайте! – раздраженно остановил я ее. – Моя агентура сейчас разыскивает портфель, и, я надеюсь, он будет найден.

Она ушла заплаканной. Я взял телефонную трубку, вызвал трибунал и соединился со следователем-узбеком Хитаровым. Он являлся нашим секретным агентом, и я попросил его прийти ко мне.

– Вот что, товарищ Хитаров, – встретил я его, – пошлите, пожалуйста, за своей подписью повестку на бланке трибунала по этому адресу.

– Хорошо, – ответил он, читая адрес. – А что мне делать, когда она явится ко мне?

– Не беспокойтесь, она не придет. Видите ли, это частное дело между нами, я ей симпатизирую, но она очень горда. И вот я хочу ее немного попугать, – объяснил я смущенно.

Спустя два дня Кацман буквально влетела ко мне.

– Смотрите, я получила повестку из трибунала. Вероятно, по поводу этих несчастных бумаг. Боже, что я буду делать?

– Слушайте, Софья Владимировна, я знаю этого следователя. По моим сведениям, он большой взяточник, не ходите в трибунал, и я постараюсь поговорить с ним. Я, вероятно, смогу уладить дело. Не беспокойтесь, идите домой и приходите завтра в это же время. Я вам сообщу о результатах.

На следующий вечер она пришла. Я подждал ее с серьезно-озабоченным лицом.

– Ну как? – спросила она, не успев войти в комнату.

– Не знаю, как и сказать. Я был у следователя, бумаги у него. Он обвиняет вас в международном шпионаже. В конце концов, он согласился потушить дело, просит 40 миллионов взятки. А я такими деньгами не располагаю, – закончил я.

– Слушайте, товарищ Азадов (я тогда работал под этой фамилией). Найдите эти деньги, я вас умоляю. У меня есть накопленные 8 миллионов; я их передам вам, а остальные я отработаю. Только прекратите это дело во что бы то ни стало, – просит она, и слезы катятся по щекам.

Я сидел в раздумье минуты три. Затем внезапно обратился к ней:

– Слушайте, Софья Владимировна, с одной стороны, вас жалко, и вместе с тем обидно, что вы со мной откровенны. Ведь вы же одновременно работаете в агентуре Совета бухарских назиров. Почему бы вам не взять денег оттуда?

– Откуда вы знаете, что я там работаю? – спросила она, покраснев.

– Я вам уже говорил, что нам очень многое известно. Поскольку мы начали говорить откровенно, давайте продолжать. Хотите, я заплачу следователю 40 миллионов и буду продолжать платить вам по миллиону, как раньше. Я сделаю это при одном условии.

– Каком? – спросила она.

– При условии быть со мной абсолютно откровенной. Если вы сейчас же назовете всех руководителей и агентов секретной разведки назиров и задачи, которые они поручали вам, то я завтра же покончу со следователем и все по-прежнему останется только между нами, – предложил я.

Короткое молчание.

– Хорошо, я согласна. Пишите, я буду говорить.

В этот вечер я получил полный список всей бухарской агентуры, и из заданий, которые назиров давали этой агентуре, мне стало ясно, что вдохновителем восстания против бухарского правительства являются сами же члены этого правительства.

Теперь оставалось отправить Кацман куда-нибудь подальше, чтобы она не могла мешать нашей дальнейшей работе.

– Прекрасно. Дело в том, что следователь просил, чтобы вы уехали недели на две из Бухары, дабы он смог начисто, без всяких подозрений, уничтожить начатое против вас дело. Куда бы вы могли поехать на недельку? – спросил я, укладывая в карман полученные сведения.

– У меня тетка живет в Самарканде. Я могу поехать к ней, – ответила она.

– Так вот вам еще пять миллионов, и завтра же выезжайте в Самарканд. Отдохните там неделю-две, затем приедете и будем продолжать работать, – закончил я, вставая.

Той же ночью я сидел в своей комнате отеля «Европа» и составлял обширную сводку на основании полученных материалов. Через открытый шкаф вошел Окотов.

– Ну, все кончено, – обратился я к нему. – Подпиши вот эту телеграмму и завтра можешь опять свободно расхаживать по городу.

И я рассказал ему мой последний разговор с Кацман.

– Я же тебе с самого начала говорил, что эта женщина окажется полезной, – смеясь, сказал Окотов, подписывая телеграмму, которая гласила: «Самарканд. Начальнику особого отдела ВЧК. Сегодня наблюдением нашего агента выезжает Самарканд Кацман София, повторяю Кацман София. По прибытии немедленно арестуйте Кацман Софию, содержите до особого распоряжения. Окотов».

Дальше нам легче работать. Мы знаем, кто работает против нас и как. Мы теперь будем бить наверняка. Бухарская народная республика будет уничтожена. Люди, ее поддерживающие, будут арестованы и «ликвидированы». Их места займут наши люди, и будет объявлена «социалистическая республика».

Глава 6. Убийство Энвер-паши

Я вместе с сотрудником Разведывательного управления Туркфронта Осиновым лежал на средней полке вагона 4-го класса. Под головами у нас стояли ларек, забитый всяким мелким бакалейным товаром, и мешок с бельем и частью того же товара.

Уже утро. Мы стоим на станции Эмирабад⁸. Наш поезд еще вчера вечером вышел из Кагана и, пройдя всего четыре версты, до первой остановки Эмирабад, встал. Говорят, причина задержки – это налив воды в цистерну, которую нужно доставлять на все станции вплоть до Карши. На всех станциях водокачки разрушены повстанцами, и жители сидят без воды.

Я смотрел из окна вагона на куполообразную постройку почти нового станционного здания. Наверху под куполом виднелись сохранившиеся золотые письма на арабском языке: эта станция служила для стоянки ночного поезда эмира бухарского и названа его именем, теперь все разрушено. Купол станционного здания пробит в трех местах попавшими снарядами. Я не выходил из вагона и не мог видеть, что вообще осталось от остальных построек. Да это меня и не интересовало, лежал и думал о порученном мне Реввоенсоветом Туркфронта задании.

После боев под стенами Бухары бывший военный министр Турции, Энвер-паша, отступил с восставшими басмачами в Восточную Бухару. Красная армия вынуждена была следовать за ним, обеспечивая свой тыл и связь от нападений почти поголовно восставшего населения, маленькими гарнизонами. Русские солдаты, не привыкшие к нестерпимой туркестанской жаре, без воды, без провианта, гибли как мухи. Целая дивизия вышла из строя только от малярии и дизентерии. Войска шли, не имея возможности встретиться с врагом.

Энвер-паша все время менял свое расположение, а войска, состоявшие из местных жителей, при появлении Красной армии прятали оружие и превращались в мирных жителей. Но горе отряду, если он был малочислен или же залег спать после душной дневной жары, не выставив сильную охрану. Их ночью убивали.

Перед командованием армии стал вопрос – во что бы то ни стало найти место восставших и уничтожить. А главное – уничтожить самого Энвер-пашу. Но как? Где его найти в горах и пустынях Восточной Бухары, где все население помогало ему и ненавидело пришельцев-русских?

Вот эта-то задача и была поручена мне. Я должен был найти Энвер-пашу и сигнализировать о месте его пребывания, не теряя его из виду, пока он не будет уничтожен. Это тяжелая, трудная задача. Даже при благоприятном исходе – смертельно рискованная задача. Но что значит риск, смерть для коммуниста-чекиста? Разве не должны они жертвовать жизнью для советской власти? А в Бухаре ведь советская власть. Правда, пока лишь формально, на основании постановления Всеузбекского курултая (состоявшегося, кстати, под руководством бывших агентов ЧК), но это не важно. Сейчас нужно уничтожить врага, а там можно взяться и за строительство.

Итак, нужно найти Энвера. Об этом я и думал, лежа на жестких досках в вагоне. Я ехал сейчас на его розыски в Восточную Бухару под видом мелкого торговца. Узбеки уважают мирных торговцев. Мне нужно с ними подружиться, а там видно будет.

– Ну, Саша, давай будем пить чай. Сбегай за кипятком, а я нарежу колбасы и хлеба, – предложил я своему спутнику Осипову.

Он не спеша надел сандалии на босу ногу и, взяв чайник, пошел на станцию за кипятком. Осипов – здоровый детина одних со мной лет. По натуре очень флегматичен. Больше надеется на свои кулаки, чем на голову. Завариваем мутную воду зеленым чаем, который вся Бухара употребляет в летние месяцы.

⁸ Правильное название Амирабад.

Вдруг резкий толчок вагона назад, затем вперед, и поезд тронулся. Идет он медленно, так как путь опасен. В любом месте могут быть разобраны рельсы.

Попивая чай, мы смотрим в узкое окно вагона на мелькавшую перед глазами панораму. Кругом солончаковые пески. Издалека мелькают маленькие оазисы-кишлаки из глинобитных построек, которые теперь разрушены и напоминают древние развалины. Кое-где торчат одинокие деревья тутовника, покрытые густым слоем серой пыли. Жителей почти не видно. Точно все вымерло.

И так повсюду, до самого города Карши⁹. Глаза устают смотреть. Жуткое однообразие. Мы, убрав чай, вынимаем колоду карт и играем до одурения. Так ехали весь день и ночь, пока на следующее утро не прибыли на станцию Карши. Поезд дальше не шел. Нужно было искать другие способы передвижения.

– Ну, Сашенька, забирай манатки, давай слезать, ныне придется драть пешком, – сказал я, взявшись за лоток.

– Зачем пешком, ведь едет же народ как-то. Может, и мы как-нибудь устроимся. Давай сходим в город и спросим. Заодно и отдохнем, может быть, в последний раз, – предложил Осипов.

– Да, пожалуй, ты прав, пойдем в город, – согласился я.

От станции Карши до города восемь верст. Единственная дорога, по сторонам которой тянутся сады, огороженные глиняными заборами, настолько изъезженная, что густая пыль примерно с фута толщины покрывает ее всю. Воздух, несмотря на раннее утро, уже накален летним солнцем. Прошедшие арбы подняли густое облако пыли, которое неподвижно осталось висеть в воздухе без малейшего движения ветра. Кое-где у станционных строений навесы узбекских чайных, под которыми, укрываясь в тени, сидят на корточках несколько туземцев и пьют чай из пиал.

Закинув мешки с товаром на плечи, мы тронулись в город. Не прошли мы и версты, как услышали за собой стук колес. Овернулись и видим, едут красноармейские повозки порожняком.

– Товарищ, подвези до города, угощу, – остановил Осипов первую повозку.

– А что у тебя есть? – спросил красноармеец, бросая взгляд на мешок за спиной Осипова.

– Сотню папирос хочешь? – сразу предложил он.

– Садись, – согласился армеец. Мы, быстро забросив товар в повозку, взобрались к нему на сиденье.

– Спасибо, товарищ, – поблагодарил Осипов, передавая сотню папирос и предлагая отдельно закурить армейцу из своего портсигара. – А куда вы едете?

– Да вот едем в город на базу. Заберем продукты и завезем в Гузар¹⁰, – ответил красноармеец.

– Эх, вот счастье-то. А ведь и мы в Гузар. Как бы с вами поехать, товарищ? – продолжал Осипов.

– А вы кто такие будете? – спросил красноармеец, подозрительно окинув нас взглядом.

– Да как тебе сказать. Мы тоже солдаты, демобилизованные, и вот решили поторговать немного.

– Что же выходит, спекулянты, – усмехнулся армеец.

– Мы бы заплатили, – вставил я.

– Да я ничего против вас не имею, да вот как бы начальство не было против. А сколько вы дадите? Миллион сможете дать? Я уж тогда на свой риск свезу вас, – внезапно предложил армеец.

⁹ Карши (в 1926–1937 гг. – Бек-Буди) – город, центр Кашка-660884438 карьинской области.

¹⁰ Гузар – селение, город с 1977 г. в Кашкадарьинской области Узбекистана, центр Гузарского района.

Мы немедленно согласились и уже по-дружески закурили по новой папироске.

– Только вот что. Вы подождете где-либо у чайханы. Когда, погрузившись, выедем из базы, то вы и сядете.

Недалеко от города стоит двухэтажное здание. Это караван-сарай. Тут же, у ворот сарая, чайхана. У самой двери гигантский, желтый, всегда кипящий самовар. Рядом мангал, на углях которого завариваются несколько разбитых и починенных цветных чайников. Перед чайханой арык с медленно струящейся водой. Тут же, у воды, столетний карагач, который бросает тень на большое пространство у чайханы. Вокруг дерева приделаны широкие сиденья, покрытые коврами. На них сидят и полулежат узбеки. Около каждого – чайник с чаем. Мы подошли к скамьям.

– Салам алекум, – по традиции поздоровались мы.

– Алекум салам, – ответили нам, и мы, сбросив мешки, заняли места рядом с ними.

В ожидании повозки мы пили чай со свежими лепешками и наслаждались прохладой тени.

Наконец, подъехали повозки. Мы уселись в повозку нашего знакомого и, покачиваясь по ухабам дороги, выехали из города.

– Ну, Саша, теперь смотри в оба. Ты должен изучить дорогу наизусть. Ты же связь, – сказал я.

– Не беспокойся! – ответил Осипов, накрывая голову платком для защиты от палящего солнца.

Мы въехали в Гузар. Маленький, крытый навесом базар. По обеим сторонам прохода темные, прохладные лавки. На крытых кошмами и ковриками нарах лавок сидят, поджавши под себя ноги, лавочники и равнодушно смотрят на снующую по базару публику. Мы подъехали к традиционной чайхане – этой восточной гостинице и, расплатившись с красноармейцем, соскочили с повозки.

Мальчишка принес в медном кувшине воду для мытья. Смыв с себя грязь и пыль, мы расположились пить чай. Узбеки в чайхане расспрашивают нас, кто мы, откуда приехали и чем занимаемся. Вместо ответа я открыл свой ларек и предлагаю товар. Это наша лучшая рекомендация. Начинается рассматривание товара и удивленный разговор о рыночных ценах товаров в сарае. Мы, со своей стороны, интересуемся рынками Деннау и Юрчи, куда намерены ехать «продавать товар». Ко мне сбоку подсел узбек, одетый довольно бедно. Ему на вид лет 35. Желтое худое, но энергичное лицо, умные глаза.

– Слушай, бай, – обратился он ко мне, – меня зовут Абдурахманом. Я здесь в Восточной Бухаре уже 15 лет занимаюсь комиссионными делами. Раньше все богатые русские купцы продавали товар через меня. Теперь дела плохи, торговли нет! Товары из России не доходят, и мне нечего делать. Хочешь, я тебе буду помогать торговать? Я знаю здесь положение каждого торговца. Знаю, где какой товар можно выгодней продать, даже поеду с тобой в Деннау¹¹ и Юрчи, – добавил он торжественно, точно этим он приносил какую-то жертву.

– Очень хорошо, Абдурахман-бай, – ответил я, – мы пробудем здесь дня два. Давай поработаем, а дальше и увидим. Если ты поможешь сделать нам хорошие дела, то мы с тобой всегда будем работать даже из Бухары.

Отныне мы под опекой Абдурахмана. Он повсюду нас рекомендует и стал с нами более интимен. Он заинтересован в успехе нашей торговли, ибо надеется улучшить свою долю. Мы в его сопровождении пошли покупать кое-какие товары, которые выгодно можно продать в районе Деннау.

– Слушай, бай, – прошептал он мне на ухо, – мы должны купить товар у старого Рахматуллы-бая и попить с ним чаю.

¹¹ Правильно Денау – город в Сурхандарьинской области Узбекистана, административный центр Денауского района.

– Почему именно у него? – спросил я.

– Ты же слышал, что в Деннау и Юрчи много басмачей, – начал он объяснять мне, – так вот, нужно беречь свой товар. Мало ли разбойников шляется по дорогам. Но если мы будем иметь письмо Рахматуллы – к его брату в Деннау, то мы можем спокойно ехать. Верь старому Абдурахману, он знает, что говорит.

Мы подошли к лавке Рахматуллы-бая. Узкое, глубокое помещение, заваленное всяческим товаром, начиная с пуговиц и ситца и кончая керосиновыми лампами и галошами. У двери сидит сам Рахматулла, одетый в белый чесучовый халат. Его большой живот обвязан цветными бухарскими шелковыми платками. Скуластое жирное лицо, со скудной растительностью. Узко посаженные монгольские глаза блестят под густыми седеющими бровями. Таков старик Рахматулла. В руках он перебирает длинные, черного дерева четки.

– Салам алекум, Рахматулла-бай, – поздоровался Абдурахман, низко кланяясь. Мы также поклонились.

– Вот привел к тебе хороших купцов из Бухары, – продолжал он, сбрасывая туфли с босых ног и садясь на корточках у края ковра.

– Добро пожаловать, – ответил спокойным голосом Рахматулла, разглядывая нас. – Садитесь, гостем будете. Два чайника чаю, – командует он проходившему мальчику из чайханы. За чаем он стал расспрашивать, как мы путешествовали, что нового в Бухаре, но ни слова о нужных нам товарах. Таков обычай Востока. С делом не спешить.

Наконец, Абдурахман начал говорить о деле.

– Видишь ли, Рахматулла-бай, мои баи приехали из Бухары и привезли много товару. Еще больше товара идет за ними. Но они по моему совету хотят купить кое-что здесь для Деннау и Юрчи, куда мы, Рахматулла-бай, поедем вместе. Так вот, я привел их к тебе, ибо кто лучше тебя знает, что нужно для Деннау, где твой брат Джума-бай является аксакалом.

Долго говорили. Затем выбирали товар. Обмениваясь любезностями, стали торговаться. Спорили. Делали вид, что уходим, ибо у него дорогие цены. Клялись друг другу всеми святыми, что он продает, а мы покупаем себе в убыток. И наконец, сторговались.

– Хай, Рахматулла-бай, – начал опять Абдурахман после того, как мы ударили по рукам, – ты сам видишь, что баи – богатые купцы и хорошие люди. Они закупили у тебя столько товару, но ты знаешь, что сейчас в районе Деннау, куда мы едем, неспокойно, а люди они нездешние. Напиши своему старшему брату аксакал Джума-баю, что тебе эти люди известны и что ты посылаешь их его покровительству. С этим письмом, Рахматулла, они продадут успешно товар и вернутся к тебе за новым.

– Хорошо, – ответил Рахматулла, уже опять постоянно-невозмутимый, кидая четки. – Позови мирзу-писца, я пошлю привет своему брату.

Подошел уличный писец. Сев на ковер и раскрыв журнал с ручкой и чернилами, он начал писать под диктовку Рахматуллы. Закончив писать, он прочитал писанное вслух и передал письмо Рахматулле. Тот, скинув халат, достал золотые часы на цепочке. На этой же цепочке висела его личная печать. Обмакнув печать в чернила, Рахматулла лизнул конец письма и наложил печать.

– С Богом. Иншалла¹², благополучно приедете и с пользой будете торговать. Привет моему брату аксакалу, – сказал Рахматулла, передавая письмо и прощаясь с нами.

Раннее утро. Мы в пути на Деннау. У нас три маленьких выносливых осла. На двух сидим я и Осипов. На третьем привязан товар, и изредка на этом же осле отдыхает Абдурахман, идущий пешком. Сейчас он идет с ослом, понукая его палкой.

– Абдурахман-бай, трудно сейчас жить стало, совсем нет торговли, – сказал я от скуки.

¹² Правильно иншаллах (арабск.) – если богу угодно.

– Да, – вздохнул он, – это революция все испортила. Не будь революции, я теперь богатым человеком был бы.

– А ведь басмачи тоже против революции, почему ты не с ними? – продолжал я.

– Басмачи хотят эмира, – ответил он, оглядываясь по сторонам, точно кто-нибудь в этой пустыне мог его подслушать. – А я знаю, что такое эмир. При старом эмире наш гузарский бек силой взял мою сестру и изнасиловал. А его писарь заставил сожительствовать с ним моего младшего брата. А что сделаешь? Только скажи – и голову отрубят. Нет, лучше русские. Они лучше, чем эмир. Вот теперь Энвер-паша хочет быть эмиром, – продолжал он, – его из Турции выгнали, и он пришел к нам. Они воюют, грабят, а нам житья нет. Да, все плохо, – и он злобно стал бить палкой осла, точно вымещал на нем всю злобу.

– Абдурахман-бай, а почему бы тебе не поехать в Бухару и спокойно там торговать? – не отставал я.

– А как поедешь? У меня семья, трое детей. На торговлю нужны деньги, – ответил он безнадежно. – А хорошо было бы жить в Бухаре. Я там был два раза, – мечтательно добавил он.

У меня мелькнула мысль завербовать его.

– Да, деньги – большая сила, а сейчас заработать их очень трудно, – задумчиво сказал я. – А знаешь, Абдурахман-бай, что русские обещают большие деньги тому, кто найдет Энвер-пашу и сообщит властям, где он укрывается?

– Неужели? А сколько они дают? – спросил он с любопытством.

– Сто миллионов, – ответил я, – я сам читал объявление в Бухаре, когда выезжал оттуда.

– Хоп! Это очень большой капитал. Только зачем они дадут столько денег, если каждый мальчик знает, что Энвер в кишлаках у Деннау, – сказал он с сомнением.

– Ну, а если это правда, ты пошел бы на это дело? – спросил я.

– За половину, за четверть этих денег отдал бы Энвера и всех этих турок. Это они принесли войну в наши края, – с ненавистью сказал он.

– Да, тогда ты был бы очень богатый купец, – сказал я и замолчал. Я решил, что нужно дать время переварить ему эту мысль. Я перешел разговаривать с Осиповым о пустяках. Он, ухмыляясь, поддерживал разговор. Он понял мой план и одобряет его.

Вечером мы расположились отдыхать на ковре, расстеленном прямо на земле у придорожной чайханы. После жирного плова мы пили последний перед сном чай.

– А хороший ты человек, Абдурахман-бай, и я бы очень хотел, чтобы ты разбогател и стал большим купцом. Тогда бы мы вместе торговали, – начал я разговор.

– Да, было бы неплохо, – ответил он.

– Вот ты сегодня говорил, что Энвер у Деннау. А не опасно ли для нас ехать туда с товаром? – сказал я, наводя его на разговор об Энвере.

– С письмом к Джума-баю нам бояться нечего. Он большой басмач. Все продукты басмачам доставляет, и может быть, к нашему приезду русские поймут Энвера, и все будет кончено, – закончил он.

– А знаешь, я бы хотел, чтобы ты помог русским поймать его. Тогда бы ты получил большие деньги.

– Я бы тоже хотел. Сто миллионов – большие деньги, Но как? Я даже русского языка не знаю, – сказал он.

– Если хочешь, пойдем вместе в Деннау к русскому коменданту, – вмешался в разговор Осипов, – он мой хороший знакомый. Ты ему расскажешь, а я буду переводить. Он тебе, наверно, сразу даст денег.

– Хай! – сказал Абдурахман, – пойдем с тобой. Только не забудь Алексан-бай.

Мы легли спать тут же, на ковре. Приехав в Деннау, мы с Осиповым вместе пошли к начальнику гарнизона. Во дворе у ворот привязано несколько оседланных лошадей. В глубине двора маленькое здание. На двери на листе бумаги старательно карандашом выведено: начгар

Деннау. Зашли. За простым кухонным столом, накрытым простым солдатским сукном, сидит военный. Об этом можно догадаться по брюкам-галифе, сапогам и шпорам, до пояса же он раздет, так как стоит сильная жара.

– Вы товарищ начальник гарнизона? – спросил я.

– Да, а в чем дело, граждане? – ответил он, глядя на нас вопросительно.

– Я – уполномоченный Реввоенсовета Туркфронта, – представился я и, достав из кармана ножик, стал распарывать подкладку своего пиджака. Достав из подкладки мандат, напечатанный на куске шелкового полотна, подал ему.

«Предъявитель сего тов. Агабеков назначен для активной борьбы с контрреволюционными повстанцами, всем военным и гражданским учреждениям и лицам надлежит оказать тов. Агабекову всемерное содействие выполнению возложенной на тов. Агабекова задачи. Член Реввоенсовета Туркфронта Воронин¹³. Начразведки¹⁴ Ипполитов».

– А это мой товарищ по связи, товарищ Осипов, – представил я.

– Садитесь, товарищи, – засуетился начгар, передав нам стул, на котором сидел.

– Итак, сегодня ночью мы выезжаем к басмачам в штаб Энвер-паши. Установите тесную связь со штабом дивизии и ждите от нас известий, – закончил я беседу с начгаром, и мы вышли.

У нас все готово. Мы получили письмо от Джума-бая, где он рекомендует нас как мирных купцов, и Абдурахман, сияющий, получив от начгара десять миллионов, собирает все вещи в мешки. Ночью мы выехали в кишлаки к басмачам.

Уже вторую ночь мы проводим среди басмачей. Большая часть товаров распродана. Мы уже подружились со многими басмачами и считаемся своими людьми среди них. Вечером мы сидели у чайханы среди басмачей. Настроение у них подавленное. Никуда нельзя носу показывать, повсюду Красная армия.

– Вот подождите немного, – говорит один свирепого вида, со шрамом на щеке басмач, – паша послал послов во все страны мира. Скоро к нам на помощь придут афганцы, а потом и англичане. Тогда уж мы прогоним русских.

– Ждать долго придется, – говорит другой, работающий на кухне у Энвера, – я вчера во время обеда слышал, как паша сказал, что придется здесь прожить не меньше трех недель.

– А хорошо бы сейчас сделать налет на какую-нибудь станцию. Я обязательно захвачу себе русскую жену, – говорит третий, лет 40, басмач с большим хищным носом на худощавом лице.

– Ты лучше гляди, что делает твоя теперешняя жена, – перебивает его другой. Все смеются. Люди оживляются. Разговор завязывается, и каждый вспоминает о замечательных случаях своей жизни.

Я лежал с Осиповым. Мы слушали разговор басмачей.

– Шура, завтра с утра тебе придется выехать вместе с Абдурахманом в Деннау, и пусть немедленно наши окружают кишлак. Слышал, что они намерены здесь жить три недели? – сказал я на ухо Осипову.

– Ладно, а как же ты? – спросил Осипов.

– А я буду здесь ждать результатов.

– Укокошат они тебя одного, – после короткого молчания сказал Осипов. – Давай лучше уйдем вместе.

– Брось дурака валять, – оборвал я его, – делай, что говорят. Ты поедешь под предлогом привезти новую партию товара.

– Ладно, – ответил Осипов и, повернувшись на бок, закурил папироску.

¹³ Воронин Н. М. – член Реввоенсовета Туркестанского фронта с 23 июня 1921 г. по 30 октября 1922 г.

¹⁴ Начразведупр – начальник Разведывательного управления.

Уже четыре дня я один среди басмачей. Товары все проданы. Мне абсолютно нечего делать. Я почти все время проводил в чайхане. Только изредка выходил посмотреть, нет ли чего нового у небольшого глиняного садика, где помещался Энвер-паша. Однажды я его увидел.

Он прогуливался в компании одного из своих офицеров. Среднего роста, красивое лицо, приподнятые вверх усы, аккуратно выбритый. Он носил, все еще, форму турецкого офицера. Только на голове вместо фуражки красовалась белая чалма. Задумчивое выражение лица. Видно, о чем-то думал. В одиночестве я тоже думал. И чем больше думал, страшнее становилось. Я ведь был молод, и мне ведь жить хотелось. А тут один, в стане басмачей, отгонял эти мысли. Старался думать об успехе. Зато как приятно будет, выполнив задание, вернуться в Ташкент. В город, где жизнь, где нет басмачей, где безопасно.

Но назойливые тревожные мысли возвращались. Не устали бы там наши в Деннау. Не опоздали бы. Но нет, Осипов – верный и умный парень. Он не напутает и не даст напутать. Нужно взять себя в руки и ждать... На другое утро на осле с товарами приехал Абдурахман. Разгружаясь, он незаметно передал мне клочок бумаги: «Войска вызваны, связь не прерывайте. Следите, изменения дислокации противника срочно сообщите».

Я закурил этим клочком бумаги папироску. Опять стали торговать привезенными товарами, время проходило незаметнее. Поздно вечером приехал Осипов. При виде меня на лице засияла улыбка.

– Ну, братишка, – начал он, когда мы уединились, – сегодня нужно тикать отсюда.

– Почему? – спросил я.

– Дивизион прибыл в Деннау и к утру будет здесь.

– Ладно, – предупреди Абдурахмана.

Через час мы, по одному выйдя из чайханы, точно на прогулку, прошли за кишлак. Соединившись в темноте, мы ускорили шаги и, наконец, пустились бежать. Осипов держал в руках наган, захваченный в последнюю поездку. Мы бежали и шли, шли и бежали. Сердце точно хотело лопнуть от напряжения, но мы боялись погони. Мы хотели жить. Наконец, вдали послышался глухой топот конницы. Мы бросились в сторону от дороги и залегли. Проехало человек шесть кавалеристов, а за ними показался весь дивизион.

Мы вышли им навстречу. Нас радостно встретили. Начальник дивизиона и начальник гарнизона. Дав нам запасных лошадей и красноармейцев, дивизион исчез в темноте.

Рапорт командира дивизиона в штаб 13-го корпуса: «Приняв тщательные меры предосторожности, дивизион направился по указанному направлению. Недалеко от кишлака, где был расположен штаб противника, мною был выделен один эскадрон и послан в обход, чтобы отрезать путь на случай отступления противника. В пять часов утра дивизион пошел в атаку, но был встречен оружейным огнем противника. Нашим пулеметным огнем противник был сбит с позиций и беспорядочно бежал.

Штаб басмачей во главе с Энвер-пашой бросился в горы, но, наткнувшись на эскадрон, посланный в обход, принял бой. В результате боя штаб противника уничтожен. Успели спастись только трое. 28 трупов остались на месте боя. Среди них опознан и Энвер-паша. Ударом пашки у него снесена голова и часть туловища. Рядом с ним был найден Коран».

Так сложил голову бывший военный министр Турции Энвер-паша, один из авантюристов от революции.

Я лежал на скамейке в кабинете начальника гарнизона Деннау и, подложив под голову седло, отдыхал. В углу суетился Абдурахман, заваривая традиционный чай. Он теперь богат, так как получил обещанную награду. Он уже держит себя с другими узбеками очень важно. Но мне он услуживает. Он хочет ехать со мной в Бухару, где думает открыть торговлю.

Сейчас он преданно-ласково смотрит на меня и приготавливает чай. Я также ему улыбаюсь, но вместе с тем зорко смотрю за его манипуляциями. Не насыпал бы яду в чай. Это на Востоке случается...

Глава 7. ГПУ и контрабандисты

Звонит настольный телефон. Я поднял трубку.

– Слушаю!

– Откуда говорят, – спросил голос.

– Это ГПУ, – ответил я. – Кто спрашивает?

– Это товарищ Агабеков?

– Да, я вас слушаю.

– Здравствуйте, товарищ Агабеков, говорит с вами «Доктор». Нельзя ли сейчас с вами встретиться? У меня срочное дело.

– Одну минутку, – ответил я в трубку и посмотрел часы.

– Хорошо, я буду через полчаса на нашей квартире, – и положил трубку.

Я начальник отделения ГПУ по борьбе со шпионами и контрабандой в Ташкенте. В моем распоряжении около пятидесяти секретных агентов, работающих повсюду, начиная с иностранных консульств и кончая гостиницами и базарами. Я говорил по телефону из своего кабинета, комнаты № 14 в здании ГПУ. Звонил мне секретный агент по кличке «Доктор», дававший сведения о контрабандистах. Это очень пронырливый человек из торговцев. Раньше, вероятно, сам занимался контрабандой, а потом нашел более выгодным выдавать вчерашних своих коллег. Он даром не любит меня тревожить. Его сведения всегда наводят на верное дело. Я запер бумаги в несгораемый шкаф, сунул в карман револьвер, лежавший на столе, и вышел из кабинета. В гостинице «Касым», на Ура-Тюбинской улице, один из номеров занят неизвестным лицом. Это одна из моих конспиративных квартир. При входе в номер со стула поднялся мне навстречу выше среднего роста пожилой человек с брюшком. Тупые черты лица, живые хитрые карие глаза. Большой загнутый нос придавал лицу хищный вид. Это – «Доктор», прозванный мною этой кличкой, ибо он прекрасно разбирался в качестве контрабандных химических продуктов.

– Что у вас нового? – спросил я, усаживаясь.

– Маленькое дело, товарищ Агабеков, – сказал он, улыбаясь. – Я уже давно слежу за группой лиц, торгующих опиумом и сантонином¹⁵, и вот сегодня я выяснил, что продавцом этих товаров является одна женщина по фамилии Н.

– Вы знаете ее адрес? – коротко спросил я.

– Да, я уже успел с ней познакомиться и побывал на ее квартире. Сейчас она имеет в наличии два пуда опиума и десять сантонина. Я обещал сегодня же привести к ней покупателя на эти товары. Так что дело верное.

– Так что же вы предполагаете делать? – спросил я.

– Я думал, не будет ли лучше, если вы пойдете со мной к ней под видом покупателя. Тогда вы сами убедитесь в наличии товара, – предложил «Доктор».

Я, обдумав предложение «Доктора», согласился.

– Тогда пойдем сейчас же, – сказал он и, выходя из комнаты, добавил: – Только, товарищ Агабеков, не забудьте мою долю после ликвидации дела. Вы знаете, что у меня семья, и сто пятьдесят рублей жалованья хватает с трудом.

– Не беспокойтесь, – прервал я его жалобы, – вы получите третью часть казенной стоимости захваченной контрабанды. Вам это полагается по закону.

Дойдя до небольшого домика, мы постучались в калитку. Вышла средних лет блондинка с утомленным и озабоченным лицом. Видно, она вышла из кухни, не успев снять передника.

¹⁵ Сантонин – производное природных углеводов, содержащиеся в листьях и соцветиях цитварной полыни. Имеет слабое наркотическое действие.

«Доктор» любезно поздоровался и представил меня. Она беспокойно посмотрела на меня и, видимо, не найдя ничего подозрительного в моем виде, предложила войти.

– Посидите в комнате, я сейчас, – сказала она, направляясь на кухню. Через минутку она вернулась к нам уже без передника и села.

Торг наш был очень короткий. Она вытащила из-за стенного зеркала кусок опиума и порошок сантонина и передала нам как образец товара. Мы попробовали товар, нашли его подходящим и быстро пришли к соглашению в цене.

– Извиняюсь, мадам, я не знал, что мне сегодня придется купить такую большую партию товара, и не взял с собой достаточно денег. Если вам не трудно, я бы предложил вам пойти на мою квартиру, где вручу вам деньги, – предложил я.

– Хорошо, я только оденусь, – согласилась она и ушла в другую комнату.

– Итак, «Доктор», когда мы выйдем из дома, вы позовете нас под благовидным предлогом. Ее же я возьму в ГПУ, – прошептал я своему осведомителю. – Вечером идете на конспиративную квартиру, я вам принесу деньги за работу.

– Спасибо, – ответил он. – Кстати, у меня есть одно дельце. Может быть, к вечеру я сумею кое-что выяснить и передать вам.

Мы шли по улице с женщиной одни. Несмотря на жару, она оделась в темное осеннее пальто, в котором ей, очевидно, жарко. Я вел ее по направлению к ГПУ.

– Слушайте, гражданин, далеко еще до вашей квартиры? – спросила она после десятиминутной ходьбы.

– Нет, осталось всего два квартала, – успокаивающе ответил я. Мы завернули за угол, и вдали показалось огромное четырехэтажное здание ГПУ.

– Ах, я что-то неважно себя чувствую, очень жарко, – беспокойно сказала моя спутница, распахивая пальто.

Мы все ближе подходили к комендатуре ГПУ.

– Ах, слушайте, – опять сказала она, – где же ваша квартира? Я что-то беспокоюсь, мне страшно почему-то.

Женщина, видимо, чувствовала что-то неладное.

– Чего вы боитесь, мадам, – успокаивал я ее. – Вот сейчас мы придем ко мне, получите деньги, и все будет кончено. Осталось несколько шагов до комендатуры.

– Ох! Я больше не могу идти. Я не хочу идти дальше. Мне страшно. Слушайте, это же ГПУ! – выговорила уже, чуть не плача. В глазах ее виден испуг и ужас.

– Не бойтесь! Разрешите вас поддержать! – я взял под руку и повел в комендатуру ГПУ. Она покорно шла.

Длинная комната. Стоят три стола, обнесенных деревянным барьером от посетителей. За первым столом сидит дежурный комендант. Темно-синяя фуражка с красным околышем, защитного цвета гимнастерка, револьвер на ремне через плечо. Темные жандармские брюки в сапогах. У дверей стоит красноармеец с винтовкой.

– Товарищ дежурный, отправьте эту женщину под конвоем ко мне наверх, – обратился я к коменданту.

– Слушаю, товарищ Агабеков!

Я вышел из комендатуры. Уже в дверях я слышал грубый голос дежурного:

– Ваша фамилия, гражданка? – это он заполнял для нее пропуск в здание ГПУ.

– Итак, гражданка, вам, я полагаю, запирается уже нечего. Скажите, где у вас спрятан товар и кто вам его доставляет? – спросил я.

Женщина сидела на стуле предо мной с бледным лицом, но она уже несколько пришла в себя и, видимо, приняла какое-то решение.

– У меня нет никакого товара, – ответила она.

– Как нет товара? А что же вы мне собирались продавать? – спросил я.

– Я только была посредником у другого человека. Если я продала бы товар, то взяла бы у хозяина. А у меня самой товара нет. Можете обыскать мою квартиру, – с жаром проговорила она.

– Ну, мы это сделаем без вашего предложения, а пока в таком случае скажите, у кого же вы должны были взять товар? – задал я вопрос.

– Ну, а это – хоть расстреляйте меня на месте – не скажу. Ни за что не скажу, – уже истерично кричит она.

– Что же, придется вам посидеть в подвале, пока не скажете, – спокойно сказал я.

– Товарищ красноармеец, – обратился я к часовому, сопровождавшему женщину ко мне и ожидавшему у двери, – отведите гражданку обратно в комендатуру, и пусть ее посадят до моего распоряжения.

Красноармеец подошел к женщине. Она встала и направилась к двери; однако, не дойдя, она резко повернулась и, рыдая, говорит:

– Ах, не сажайте меня в подвал. У меня ребенок, что я буду делать? Господи, Господи! Я все скажу, только не сажайте.

– Так, я вас слушаю, – сказал я, приглашая занять место.

– У меня нет товара. Товар принадлежит Ахун-баю, кашгарскому купцу, который давал продавать мне на комиссию. Я – бедная женщина, у меня ребенок. Нечем жить, – говорила она с трудом сквозь рыдания.

– Скажите адрес Ахун-бая, – требовал я.

– Он живет на Урбе, – называет улицу. – Только, ради бога, не сажайте меня в тюрьму.

– Хорошо, я должен проверить ваши показания, но я предупреждаю вас, что за контрабандную торговлю следует три года тюрьмы, и вы их получите, если сказали неправду. А если вы сказали правду, то мы посмотрим, что можно сделать для вас. Сейчас же вы посидите в комендатуре, пока я проверю ваши показания. Через полчаса я, снабженный ордером на обыск, подъехал к ее квартире. Калитка была не заперта, зайдя во двор, я вошел в коридор и увидел направо кухню.

Стоя у шипящего примуса, худенькая девочка лет десяти, надев передник матери, что-то размешивала в кастрюле.

– Как тебя зовут, девочка? – спросил я, подойдя ей.

– Ольга, – ответила она, продолжая свое занятие.

– А что ты делаешь, Ольга? – спросил я.

– Мама нет дома, и я смотрю за обедом, чтобы не пригорел, – ответила она.

– А где твоя мама? – опять задал я вопрос.

– Она ушла в город и придет к обеду. А ты можешь подождать ее, – предложила она, – она скоро придет.

Я смотрел на эту девочку, ожидавшую свою маму к обеду. Мысли роем неслись в голове. Глядя на ее русую головку, я думал: «А что она будет делать, если ее мать не придет к обеду ни сегодня, ни завтра, ни через..?» Я вспомнил, что мне нужно сделать обыск. Но? Как я мог делать обыск, раскидывать в комнатах (и в присутствии этого ребенка, ожидавшего мать к обеду)? Нет, ни за что!

– Нет, Ольга, я пойду, а ты смотри за обедом, – сказал я, глядя ее мягкие, русые волосы.

И в первый раз за всю службу я не выполнил своего долга. Я ушел, не сделав нужного обыска. Я остановился в одном из узких переулков Урбы у обитой жестью калитки и постучал. Через минуту за дверью послышались шаги, и калитка открылась. Передо мной стоял маленького роста смуглый кашгарец, на лице которого при виде меня выразилась жалкая улыбка.

– Вы гражданин Ахун-бай? – спросил я по-русски. Он мотнул головой.

– Я сотрудник ГПУ и имею ордер на производство у вас обыска, – сказал я, перешагнув порог.

– Пожалуйста, – ответил он и начал беспомощно горбиться передо мной. – Только я вас прошу, пожалуйста, делайте все потихоньку, чтобы моя жена не слышала. Она лежит больная.

– А что с ней? – спросил я.

– Она вчера родила мальчика, – ответил он, и на минутку на его лице показалась счастливая улыбка. Я ему не поверил. Наверно, это трюк, чтобы получше запрятать контрабанду. Я пошел вперед и открыл первую дверь. Полутемная комната. Прямо на полу постелена постель, в которой лежит еще молодая женщина с бледным больным лицом. Рядом с ней что-то копошится и издает писк. С другой стороны сидит другой ее ребенок, мальчик лет четырех. Он смотрит на меня своими черными большими глазами, держа палец во рту. Я выскочил из комнаты и закрыл за собой осторожно дверь.

– Слушай, Ахун-бай... – обратился я к кашгарцу, и мы с ним говорили целый час.

В своем кабинете за письменным столом сидел начальник секретно-оперативной части ГПУ Моисей Борисович Гордон. Несмотря на свои 35 лет, он уже до того разжирел, что едва помещается за столом. Его толстое рыхлое лицо и шевелюра сильно напоминают Зиновьева¹⁶, и он, зная это, старается подражать председателю Коминтерна¹⁷. Я сидел напротив и докладывал о работе моего отдела.

– Слушай, Агабеков, у тебя происходит что-то странное. Ты сегодня кого-то арестовывал, куда-то ездил с обыском, и в результате ничего. В чем дело? – спросил он.

– Да, я задержал двух контрабандистов, но после допроса решил отпустить, – ответил я.

– Почему? – опять задал он вопрос, подозрительно глядя на меня.

– Потому, что оба они оказались лишь посредниками и у них не было обнаружено никакого товара. Кроме того, я долго говорил с задержанным кашгарцем и в результате завербовал его. Он обещал в течение месяца поймать для нас минимум сорок пудов контрабанды. Наконец, я думаю, что он нам пригодится и для разработки кашгарского шпионажа у нас. Исходя из этих соображений, я решил, что нам полезнее иметь 40 пудов опиума и плюс агента, чем лишнего арестованного в подвале, – ответил я.

– Да, но по закону ты не имел права освобождать их, раз налицо совершенное против государства преступление, – уже нервничая, говорил Гордон.

– Товарищ Гордон, может быть, с точки зрения заговорщиков вы и правы. Но я смотрю на дело иначе. Основной революционный закон – это закон целесообразности. В этом ведь коренная разница между нашими и буржуазными законами. Так нас учила и учит наша партия. Сейчас нам нужна валюта, и я уверен, что мы получили больше пользы от кашгарца, который нам мог бы помогать ловить контрабанду, чем от кашгарца за замком. Впрочем, если вы находите в моих действиях состав преступления, то можете привлечь меня к ответственности. Я же обращаюсь в комитет партии, – угрожающе добавил я.

¹⁶ Зиновьев (Апфельбаум) Григорий Евсеевич (1883–1936) – участник революции 1905–1907 гг., избирался членом Петербургского комитета РСДРП. С 1908 г. в эмиграции. 3 апреля 1917 г. вместе с Лениным и другими политэмигрантами возвратился в Петроград. С декабря 1917 г. по март 1926 г. – председатель Петроградского Совета. В годы Гражданской войны – председатель Комитета революционной обороны Петрограда, председатель СНК Петроградской трудовой коммуны, член Реввоенсовета 7-й армии. Инициатор массовых расстрелов офицеров в городе. В 1919–1926 гг. – председатель исполкома Коминтерна. В 1927 г. за оппозиционную деятельность был исключен из ВКП(б), в 1928 г. восстановлен. В последующие годы работал в правлении Центросоюза и в Наркомпросе РСФСР. В 1932 г. вновь был исключен, в 1933 г. опять восстановлен в партии. 6 декабря 1934 г. арестован и в январе 1935 г. приговорен к расстрелу по делу «троцкистско-зиновьевского объединенного центра». В 1988 г. посмертно реабилитирован.

¹⁷ Коминтерн (Коммунистический интернационал) – международная организация (1919–1943), объединявшая компартии различных стран. Руководящие органы находились в Москве. Фактически была подчинена Политбюро ЦК ВКП(б). Состоялось 7 конгрессов Коминтерна: 1-й учредительный (март 1919 г.), 2-й (июль–август 1920 г.), 3-й (июнь–июль 1921 г.), 4-й (ноябрь–декабрь 1922 г.), 5-й (июнь–июль 1924 г.), 6-й (июль – сентябрь 1928 г.), 7-й (июль–август 1935 г.). Распущен решением Президиума Исполкома 15 мая 1943 г.

Я знал, что Гордон боится партийного комитета, ибо много грязных поступков, мне известных. Кроме того, ведь я был секретарем бюро ячеек ГПУ и членом партийного комитета. Он побоится поднять дело против меня.

– Ну, ладно, дай бог, чтобы ты оказался прав, – сказал он, вздыхая уже примирительным тоном.

Я оказался прав. Благодаря кашгарцу мы обнаружили сотню пудов контрабанды. Он же оказался полезным и в политических делах. Чувство и на этот раз меня не обмануло.

Глава 8. Судебная комедия

Я пришел по вызову заведующего орготделом в областной комитет партии и, постучавшись, вошел к нему в кабинет. Небольшая, хорошо обставленная, но просторная комната. Пыль на креслах, на столе. У одной стены стоит большой книжный шкаф, набитый книгами, журналами, брошюрами. В углу стоймя на древках стоят несколько свернутых знамен, покрытых пылью. Несколько полотнищ с разными лозунгами прибиты к стене. За столом сидит заведующий орготделом Галустян с выделяющейся большой стриженной черной головой. Он рассматривал и подписывал какие-то бумажки.

– А, товарищ Агабеков, садитесь. У меня для вас ответственное поручение, – проговорил он, торопливо делая пометки на бумаге и отодвигая от себя все папки в сторону.

Я, взяв одну из лежащих на столе папирос, закурил и сел.

– Так вот, вы знаете, наверно, о деле Махлина, Мадуева и К°, этих мерзавцев, – начал он. Я кивнул головой.

– Дело в том, что Махлин и Мадуев – коммунисты, или, вернее, были коммунистами, потому что сейчас партийные билеты у них отобрали. Слухи об их деяниях проникли в рабочую массу и вызывают возмущение. У меня имеется много заявлений на этот счет от наших товарищей-партийцев. Поэтому мы решили их расстрелять не обычным порядком, а предварительно устроить показательный процесс. Нужно показать массам, что советская власть одинаково расправляется с провинившимися коммунистами так же, как и с контрреволюционерами. По нашему предложению ГПУ передало их дело в Верховный Суд, который и будет судить. Председателем суда назначен товарищ Смирнов, вы, наверно, его знаете, а членами суда мы решили назначить вас и одного товарища-женщину из женотдела. Так вот, нужно повести дело так, чтобы массам была ясна их классовая чуждость и приговорить их к расстрелу.

– А каково мнение Центрального комитета партии? – спросил я.

– ЦК утвердил наше решение, – продолжал Галустян, – и даже сам Межлаук¹⁸ (председатель Сред. Азбюро ЦК) будет выступать общественным обвинителем. Тут все согласовано. Вам только нужно технически провести процесс. В особенности вам, ибо, между нами, ведь Смирнов неграмотный, а товарищ из женотдела не в счет. Поэтому вам придется, так сказать, подводить под статьи. Я думаю, вы по своему опыту в чека это дело сумеете провести.

– Будет сделано, – ответил я. – Когда же начнется процесс?

– Да вот завтра мы вынесем постановление о назначении вас членом Верховсуда. Затем нужно нажать на профсоюзы, чтобы они мобилизовали как можно больше народа на процесс, и, я думаю, со следующего понедельника можно начать. Другие члены суда уже инструктированы, и о деталях вы сами с ними договоритесь, – закончил он.

На прощание он мне подарил несколько новейших брошюр, и я вышел на улицу из областного комитета партии.

Итак, с завтрашнего дня я буду членом Верховного суда и должен публично выступать как представитель правосудия. Первой моей мыслью было сейчас же пойти в Верховный суд и ознакомиться со следственным материалом. А затем я, вспомнив инструктирование Галу-

¹⁸ Межлаук Иван Иванович (1891–1938) – член РКП(б) с 1918 г., окончил историко-филологический (1912) и юридический (1916) факультеты Харьковского университета. В январе – марте 1918 г. – комиссар юстиции и председатель ревтрибунала в Харькове. С апреля 1918 г. – секретарь Казанского Совета, комиссар батальона, с июня – губернский военный комиссар, член губкома РКП(б), в августе – декабре командовал войсками Приволжского военного округа, позднее – член Реввоенсовета 7-й, а затем 4-й армий. С 1921 г. на хозяйственной и партийной работе. В 1924–1925 гг. – секретарь ЦК Коммунистической партии Таджикистана. В 1931–1936 гг. – секретарь Совета труда и обороны. Член ЦИК СССР. Репрессирован. Реабилитирован.

стяна, подумал: «Зачем? Ведь вопрос уже решен. Нужно просто приговорить к расстрелу». И я повернул в здание чека.

Не успел я, придя к себе в кабинет, приняться за дела, как позвонил телефон.

– Это Агабеков? Здорово, говорит Смирнов. Слушай, нам придется с понедельника работать вместе, так вот, суд будет заседать в театре «Колизей». Начало с трех часов дня, чтобы публика успела подойти.

– Хорошо, это все? – спросил я.

– А с делом не хочешь ли ознакомиться, их тут четыре папки? – в свою очередь, спросил Смирнов.

– Нет, – ответил я, – не стоит терять время.

– Правильно, на суде во время допроса лучше развлечемся, чем по бумагам. Ну, прощай.

– Прощай, – я положил трубку.

Театр «Колизей». Большое круглое здание, вмещающее до 4000 человек. Оно было построено под цирк, но впоследствии переделано в театр. Весь состав суда, в том числе и я, собрался за кулисами. Я взглянул сквозь щель занавеси. Партер уже был заполнен публикой, но прибывали все новые партии профсоюзников. На эстраде стоял длинный стол, покрытый красным сукном. Комендант суда устанавливал на столе чернильные прибор, графин с водой и звонок. Направо от стола виднелась кафедра для прокурора. Налево были расставлены в одной из лож стулья для защитников. Вверху в ложе уже сидели подсудимые.

Наконец, раздалась команда коменданта суда: «Встать. Суд идет», – и мы вышли из-за кулис. Все заняли свои места. Председатель суда Смирнов, маленького роста с изрытым оспой лицом и красноватым от чрезмерного злоупотребления спиртом носом, сел посередине между мной и женщиной. Он держит себя важно и, видимо, чувствует себя уверенно. Я в форме ГПУ, а женщина – член суда в кожаной тужурке. Направо от нас разместился прокурор, еще молодой человек с высохшим лицом и воспаленными красными глазами. Он – молодой коммунист, и данный процесс был первым серьезным делом, порученным ему партией. Он явно волновался. Налево сидели защитники. Видно, старые опытные юристы. Они держались очень спокойно. Безнадежно спокойно. Видимо, и им было известно, что весь этот суд – простая комедия и что приговор уже имеется наготове.

Обвиняемых трое: заведующий исправдомом Махлин, областной прокурор Мадиев и один из следователей прокуратуры. Махлин, с крупными чертами лица, живыми энергичными глазами, коммунист, сидел уверенно и спокойно. Точно своим видом он старался показать суду и публике, что привлечение его к суду является очевидным недоразумением и вот суд все это выяснит, и он вновь займет свое прежнее положение. У Мадиева интеллигентное лицо. Старый юрист, стоявший всегда на страже законов, он сейчас чувствует себя смущенным, оказавшись перед судом. Причем он, видимо, хорошо не знает, в чем его обвиняют, ибо все предъявленные ему обвинения ни к какой статье закона не подходят. Держал себя Мадиев скромно и с достоинством. Следователь же несколько нервничал и поглядывал в сторону Мадиева, точно считал его все еще начальством и искал моральной поддержки. За подсудимыми стояли два конвоира с обнаженными револьверами.

Публика, уже переполнившая зал, как видно, прочно уселась, ожидая интересного зрелища. Кое-где было слышно пощелкивание семечек.

Из обвинительного акта, который нудным голосом прочитал председатель суда, было видно, что Махлин, занимая должность заведующего тюрьмой, возмутительно обращался с арестованными. Будучи сам коммунистом, он не переносил арестованных из бывших коммунистов и так издевался над ними, что один из них повесился в своей камере. Арестованных женщин он заставлял сожительствовать с ним, угрожая в случае отказа карцером и всеми тюремными карами. С тюремными деньгами и хозяйством он обращался, как со своей собственностью.

Мадуев и следователь обвинялись в укрывательстве Махлина, ибо по занимаемой должности они должны были знать о действиях Махлина и не приняли никаких мер.

Суд начался обычными вопросами председателя к подсудимым. Затем стали выступать свидетели, состоявшие почти сплошь из тюремных обитателей. Говорили, большим образом, женщины. Перебирали всю грязь Ташкентской тюрьмы, долженствующей служить новым оружием искоренения преступлений и перевоспитания человека. Допрос подходил к концу, а доказать только можно было, что Махлин сожительствовал с двумя заключенными женщинами. О Мадуеве и следователе обвинитель и не упомянул на суде.

Я плохо следил за процессом суда. Я сидел и смотрел на Махлина, который усердно парировал все выступления против него, и думал: «А ведь тебя расстреляют, хотя ты и жил только с двумя женщинами. И в сущности, какое же это преступление? Кто из советских, даже маленьких, начальников не живет с подчиненными им по службе женщинами? Ведь если всех их расстрелять, то большевиков не останется! А вот тебя, Махлина, для примера расстреляют. Хоть будь ты чист, как стеклышко, расстреляют. Есть постановление Центрального комитета партии. А поскольку это так, то зачем терять время мне, да и тысячам рабочих и служащих на созерцание процесса? Не лучше ли сразу ухлопать подсудимых без этой комедии? И сам же себе ответил: партия права. Мало их расстрелять, нужно еще на этом деле заработать, обработать общественное мнение, и продолжал терпеливо заседать на суде. Не буду останавливаться на всем процессе. Он тянулся десять дней. Опишу лишь выступление члена ЦК Межлаука в качестве общественного обвинителя: высокий, худощавый, еще довольно молодой человек, с решительным выражением лица и хорошо подвешенным языком, Межлаук действительно ярко обрисовал картину ужасов советских тюрем вообще. Покончив с описанием, он взял Махлина как представителя тюремной администрации, и получилась картина, что не советская власть, а Махлин – виновник каторжных условий в советских тюрьмах. О других подсудимых Межлаук не имел материала, но зацепился за то, что Мадуев до ареста не внес членских взносов в профсоюз за четыре месяца.

– Значит, они даже не члены профсоюза, – кричал Межлаук, – они потеряли связь с массами. Они потеряли компас, который должен был их ориентировать на массы. Они оказались чужды им. Нет им места в обществе, которого они не признают. Пролетарский суд должен безжалостно вырвать и очистить советскую общественность от остатков буржуазных корней, – закончил он.

Гром аплодисментов огласил зал. Иначе и не могло быть, ибо говорил член Центрального комитета правящей партии.

Наконец, мы ушли за кулисы для вынесения приговора. Нас троих заперли в маленькой комнате и за дверью поставили часового. Никто не должен входить к нам, говорить с нами, влиять на нас при вынесении приговора. Мы должны сами беспристрастно решить участь подсудимых. Какая насмешка! Ведь мы получили директиву приговорить их к расстрелу за неделю раньше суда. К чему эта комедия?

Вечером жена Смирнова принесла обед для нас троих. Зная обычай мужа, она прислала также бутылку «Перцовки»¹⁹. Смирнов кушал и запивал, вернее – пил и закусывал. Он доволен. Он выполнил свою часть работы и теперь отдыхал. Женщина читала какую-то брошюру. Я сидел и составлял обвинительное заключение. Передо мной – пачка чистой бумаги и Уголовный кодекс. Я писал и переписывал. И так до глубокой ночи. Остальные уже спали.

Только на следующее утро мы покинули совещательную комнату и вернулись в зал. Та же обстановка, только больше народу. Смирнов стал читать:

¹⁹ Имеется в виду 30-градусная водка, впервые после «сухого» закона внедренная в производство на государственных ликеро-водочных заводах и реализовывавшаяся через торговую сеть при Председателе СНК А. И. Рыкове. Получила неофициальное название по его фамилии.

«На основании ст. ст. таких-то... все приговорены к расстрелу». Жуткая тишина длилась бесконечную минуту. Первыми очнулись конвоиры и стали торопливо выводить осужденных. Затем начала выходить публика.

В кабинете у заворгота²⁰ областного комитета партии на этот раз весь состав суда и прокурор.

– Товарищи! ЦИК СССР утвердил приговор только над Махлиным. Остальным расстрел заменили: Мадую – десять лет, и следователю – восемь лет исправительных работ. Завтра нужно приговор над Махлиным привести в исполнение, – обратился к нам Галустян.

– По закону при расстреле должен присутствовать один из членов суда, представитель прокуратуры и доктор, – вставил прокурор.

– Ну и прекрасно, – ответил ему Галустян. – Будете присутствовать вы и товарищ Агабеков. А доктора возьмите где-нибудь. Об остальном позаботится комендатура ГПУ, куда я уже звонил, – закончил он. Прокурор ничего не ответил, но его бледное лицо более побледнело.

К зданию Верховного Суда подкатила легковая машина, за ней следом подошел грузовик с несколькими красноармейцами. Мы сели в легковую машину и поехали по направлению к тюрьме. За нами следовал грузовик. Дверь тюрьмы открыл сам заведующий исправдомом (уже новый). Он нас поджидал. Мы направились к одиночной камере Махлина. Узкая квадратная комната без всякой мебели. Под потолком маленькое окошечко, закрытое густой железной решеткой. Махлин сидел на асфальтовом полу с разутыми ногами. Сапоги его стояли тут, рядом. Увидев нас, он, не вставая, выжидательно смотрел. Видно, еще до сих пор не верил, что будет расстрелян. Он надеялся на отмену приговора и сейчас ждал, что мы ему сообщим.

– Гражданин Махлин, ЦИК СССР отказал вам в помиловании, поэтому сегодня приговор суда должен быть приведен в исполнение. Имеете ли вы что-либо передать вашим родным и друзьям? – сказал я.

Еще минуту он смотрел на меня, точно воспринимая произнесенные мною слова. Затем глаза его потухли, вместе с потерей надежды он как-то весь опустился, словно проткнутая шина. Он молча сидел и не шевелился.

– Итак, передавать нечего? – переспросил я. – Ну, в таком случае одевайтесь.

Он взял один сапог и хотел натянуть на ногу. Затем, видимо, раздумал и, отложив сапог, обратился ко мне:

– Товарищ Агабеков, у меня остаются жена и четверо детей. Передайте им сапоги, кольцо и вот куртку, они теперь не нужны, а им, сиротам, пригодятся, – говорил он как бы сам с собой, снимая куртку.

Я больше не мог выдержать, глядя на эту сцену. Я вышел из камеры и ушел ждать в канцелярию тюрьмы, со связанными назад руками красноармейцы бросили Махлина на дно грузовика. Вероятно, ему было больно и неудобно лежать на досках. Но до этого ли ему сейчас? Он ведь теперь всего лишь груды мяса. Что ему ушибы? Через час он будет ничто.

Грузовик быстро помчался вперед. Мы, следуя за ним, глотали облака пыли, поднятые им. Наконец, выехали за город, еще немного – и грузовик, подъехав к холмам, остановился. Пока красноармейцы высаживали Махлина, мы также подъехали и сошли с машины. Земля была покрыта еще не успевшей высохнуть весенней травой. Легкий ветерок играл ею, раскачивая тонкие стебельки. В стороне от дороги, в тридцати шагах, виднеется яма, приготовленная заранее красноармейцами.

Махлин уже стоит на ногах. Ему предложили идти в сторону ямы. Он боязливо и неуверенно сделал несколько шагов. За ним с наганами в руках шли красноармейцы. Вдруг выстрел и одновременно пронзительный крик... Махлина не видно. Он свалился на землю. Два выстрела в упор – доканчивают.

²⁰ Заворгот – заведующий организационным отделом комитета партии.

Доктор нервно-суетливо побежал к труп, но, не дойдя, отбежал назад.
Прокурор стоял с открытым ртом, бледный как смерть. Правосудие свершилось.

Глава 9. Кража консульских шифров

Мы сидели в загородной вилле, предоставленной в распоряжение сотрудников ГПУ, на квартире у начальника контрразведывательного отдела ГПУ – Стырнэ²¹. Нас в комнате трое: Стырнэ, его помощник Уголов и я, занимавший должность начальника отделения по борьбе со шпионами.

Стырнэ, выше среднего роста, блондин, с устремленным куда-то в пространство взглядом, до крайности нервный, ежеминутно вскакивал со стула и, сделав несколько шагов, опять опускался на свой стул. Уголов, уже пожилой человек, среднего роста, широкоплечий, с упрямым бритым подбородком, с торчащими ежиком седеющими волосами, придающими лицу еще большее выражение упрямства, сидел неподвижно спокойно, склонившись над столом, и смотрел на бегущего по комнате Стырнэ. Я скромно сидел в стороне и улыбался, довольный присутствием в кругу моих начальников. Стырнэ, посмотрев на часы, сказал:

– Он должен быть здесь через пять минут. Повторяю, товарищи, нам чрезвычайно важно его завербовать, ибо мы тогда будем иметь возможность не только быть в курсе всей работы афганов в Туркестане, но, вероятно, откроем и карты англичан, которые работают через афганцев. Кроме того, мы через него сможем влиять на афганскую политику. Будьте очень с ним любезны и больше льстите и подливайте ему вина. Мы знали, что речь идет об афганском консуле, который, заранее подготовленный секретной агентурой, должен сейчас прийти сюда и окончательно договориться с нами о работе для ГПУ. Вся обработка консула проводилась агентурой моего отделения, вот почему, по правилу ЧК – вводить как можно меньше людей в курс дела, я был привлечен на это собрание. Через несколько минут раздался звонок, и я пошел открывать дверь. Раздевшись в передней, консул вошел комнату и, поздоровавшись, уселся в предупредительно предложенное ему кресло. Лет 50, высокий, полный брюнет с большой проседью. На бронзовом лице большой крючковатый нос и густые брови, из-под которых блестели черные глаза. Одет был консул в европейский костюм, и лишь голова была покрыта черной барашковой шапкой, которую он, войдя в комнату, снял. По этой же шапке секретная агентура окрестила его кличкой «Шапочка», и на досье об афганском консуле, лежавшем у меня в несгораемом шкафу, красовалась надпись: «Агентурное дело Шапочка». После обычного обмена любезностями уселись за стол.

Хотя консул и приглашен был на чай, стол был заставлен винами и закусками. После нескольких рюмок коньяку официальный тон разговора стал исчезать, и консул оживился.

– Расскажите, господин консул, что-нибудь интересное об Афганистане. Ведь это – такая таинственная для нас страна, – попросил я, подливая вина.

– Я должен сказать, что я по национальности не афганец, а таджик. Вы, вероятно, слышали, что афганцы относятся враждебно к таджикам, но мне тут повезло, мальчишкой семи лет я был взят покойным эмиром Халла-ханом²² в Кабул и жил при дворе. Там я, собственно, и вырос. Затем эмир назначил меня консулом в Бомбей, где я прожил три года. Нынешний эмир Амала-хан²³ назначил меня генеральным консулом к вам в Ташкент. Вот и вся моя жизнь. Я

²¹ Стырне (Стырна) Владимир Андреевич (1897, Митава, Российская империя – 15 ноября 1937, Москва, СССР) – сотрудник ЧК-ОГПУ-НКВД СССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга (1935).

²² Хабибулла-хан (1870–1919) – эмир Афганистана с 1901 г. В начале правления под влиянием патриотических кругов пытался проводить реформы по укреплению центральной власти и развитию экономики. Во внешней политике стремился ослабить зависимость страны от Великобритании. Во время Первой мировой войны придерживался политики нейтралитета. В последние годы царствования проводил проанглийскую политику. Убит при неизвестных обстоятельствах.

²³ Аманулла-хан (1892–1960) – король Афганистана в 1919–1929 гг. Возглавил освободительную войну против Великобритании, в которой с помощью поддержки РСФСР одержал победу. В 1919 г. добился признания полной независимости Афганистана. В 1921 г. заключил с РСФСР договор о дружбе, а в 1926 г. – с СССР договор о нейтралитете и взаимном ненападении. В результате мятежа был свергнут и эмигрировал. В стране воцарилась династия Надир-шаха, правившая до июля

не бывал в Европе и ничего не видел, кроме нашей страны, а у нас нет замечательных вещей, о которых я мог бы рассказать. Ни театров, ни синема²⁴ и вообще никаких развлечений, как в Ташкенте, – рассказывал консул.

– Кстати, – спросил он меня, – кто была эта высокая женщина в вашей ложе в прошлый раз в театре?

– Это – одна из моих хороших знакомых, – ответил я. – А что, она вам понравилась? Если хотите, я вас познакомлю с ней, – предложил я.

– Да, я с удовольствием познакомлюсь с ней, – ответил консул, и глаза его заблестели еще больше.

– Итак, господин консул, – начал Стырнэ после изрядного числа выпитых рюмок, – мы теперь с вами хорошие друзья. Вы знаете, что мы вообще любим афганский народ, который первый протянул руку большевикам, но дело в том, что за последнее время мы замечаем недружелюбные акты со стороны Афганистана. Так, например, басмачи, с которыми мы боремся, пользуются гостеприимством в Афганистане. Конечно, мы думаем, что это влияние англичан на некоторых членов вашего правительства, поэтому мы, считая вас нашим другом, хотели бы просить информировать нас о тех недружелюбных к нам распоряжениях, кои вам известны.

– А что вы можете мне предложить? – задал вопрос консул.

Мы переглянулись между собой, ибо вопрос был для нас неожиданным. Наконец, Стырнэ решил идти в открытую.

– Смотря, что вы можете нам предложить. Скажите, в чем конкретно вы можете нам помочь, и, я надеюсь, в условиях мы договоримся, – ответил Стырнэ.

– Я могу вас познакомить со всей секретной перепиской консульства и дам вам ключ к шифру между мною и Кабулом. Но взамен я прошу политической и материальной гарантии. Вы должны обещать мне через Наркоминдел право убежища в случае моего отказа вернуться в Афганистан, и, наконец, я прошу за все мои услуги десять тысяч рублей золотом, что, я думаю, для вас являются небольшими деньгами, – выкладывал консул свои условия.

Мы молчали. Что можно было ему ответить? Вопрос о праве убежища так же, как и вопрос о такой сумме, как 10 000 рублей золотом, мы были не вправе решать. Об этом нужно было просить разрешения высшей инстанции.

– Хорошо, мы обдумаем ваши предложения, и я думаю, что мы придем к соглашению, – ответил Стырнэ. Деловой разговор исчерпан. Побеседовав еще некоторое время о разных мелочах, консул уехал. Опять мы остались одни. Стырнэ задумчив, Уколов по-прежнему невозмутим.

– Да, дело нелегкое – достать такую уйму денег. Нужно будет вопрос согласовать с ЦК и с Наркоминделом, это займет недели две времени. Да и едва ли наши начальники согласятся на такую комбинацию. Однако посмотрим, – задумчиво сказал Стырнэ. – А вы, товарищ Агабеков, пока продолжайте агентурную разработку консульства, чтобы не терять даром времени, – обратился он ко мне.

Я сидел на конспиративной квартире с молодым таджиком, недавно приехавшим из Парижа. Это был мой тайный агент Хубан-шо, подружившийся с афганским консулом и информировавший нас о консульских делах. Хубан-шо был завербован отрядом особого отдела ГПУ. Там же ему преподали несколько лекций политической грамоты и зачислили членом коммунистической партии. Всего только три месяца, как он впервые в своей жизни спустился с горных вершин Гимала, приехав в Фергану, увидел поезд и автомобиль. Свидетели рассказывали мне, что когда Хубан-шо увидел движущиеся деревянные дома-вагоны без всякой постоянной помощи, то этот коммунист – авангард мирового пролетариата – испугался и убежал

1973 г.

²⁴ Кинотеатров.

со станции в горы. Его с трудом поймали, привели обратно, объяснили, что тут нечистая сила ни при чем, а во всем виноват паровоз. Однако, несмотря на дикость, Хубан-шо обладал природным умом и сообразительностью, главное – он был хитер хитростью дикаря.

– Ну, как поживает твой сородич консул? – спросил я его.

– Ничего себе. Он ожидает вашего ответа на его предложение и удивляется, что так долго не имеет ответа. Сейчас в консульстве спокойно, дипломатические курьеры уехали, и консульство почти опустело, – докладывал он.

– Хубан-шо! Ты обещал принести мне план расположения консульских комнат и до сих пор не приносишь, в чем дело?

– План у меня давно готов, товарищ Агабеков, но я не умею чертить, – ответил Хубан-шо смущенно.

– Так давай ты будешь объяснять, а я начерчу, – предложил я. И мы подробно нанесли на бумагу план консульства.

– А что представляет из себя секретарь консула? – продолжал спрашивать я у Хубан-шо.

– Это пожилой афганец, который почти ничего не делает. У него имеется работа, лишь когда консульство готовит почту. Как только дипкурьеры уезжают, он свободен и редко бывает в консульстве.

– Где же он проводит время?

– Он живет с одной русской женщиной и почти все свободное время проводит у нее, – ответил Хубан-шо.

– Кто она такая? – спросил я.

– Не знаю. Она, кажется, портниха. Если нужно, я завтра узнаю о ней все подробности.

– Да, пожалуйста, завтра же узнай, кто эта женщина, где живет и, вообще, все подробности, – закончил я.

Прошло две недели. Уколов и я вновь собрались в кабинете у начальника КРО Стырнэ. Лицо его выражало явное недовольство.

– Ну, товарищи, как я и предвидел, по делу «Шапочка» нам отказали во всем. ЦК согласился отпустить на это дело только тысячу рублей золотом, но главное несчастье – с Наркоминделом, который категорически протестует против предоставления права убежища консулу. Уполнаркоминделом Михайлов назвал это дело авантюрой, которая может только испортить наши отношения с афганским правительством. Итак, в нашем распоряжении 1000 рублей. Я думаю, можно предложить и червонцы. Может быть, он согласится. Как вы думаете? – обратился Стырнэ к нам.

Уколов после короткого раздумья сказал:

– Нужно найти другой путь к документам консула.

– Я тоже того мнения, что нужно найти другой путь, – начал я, – ведь предположим даже, что мы уплатим нужные деньги и получим шифр. А где гарантия, что через месяц шифр не будет изменен, и мы опять останемся ни с чем? Что же тогда? Опять платить, что ли? Не говоря о том, что, возможно, консул откажется от 1000 рублей, и мы очутимся в неловком положении.

– Хорошо вы все рассуждаете, – волновался Стырнэ, – а где же этот другой путь? Единственный другой, какой я вижу, – это украсть документы. А это может дать еще худший дипломатический скандал.

– А почему бы и нет? Мы не украдем, а лишь сфотографируем документы. В консульство проникнуть не трудно, и там почти никого нет. Вопрос только в том, как вскрыть несгораемый шкаф, где лежат документы. Ключи от шкафа консул носит всегда при себе на цепочке часов. Вы разрешите мне разработать план и доложить вам потом? – закончил я.

– Ну, ну, попробуйте, – ответил Стырнэ с сомнением в голосе.

Мы разошлись по своим кабинетам.

– Войдите! – ответил я на стук в дверь моего кабинета. Дверь отворилась, и вошла высокая блондинка лет 30, с обильно напудренным, помятым лицом, на лице ее выражение страха, смешанного с любопытством.

– Я получила повестку ГПУ явиться в комнату № 15 к товарищу Агабекову, – начала она.

– Вы гражданка Власова? – спросил я и, получив утвердительный ответ, предложил ей сесть.

Она села на кончик предложенного ей стула и боязливо разглядывала комнату. Я, делая вид, что очень занят шелестя бумагами, исподволь изучал ее. Затем внезапно обратился к ней:

– Скажите, гражданка Власова, вы хорошо знаете географию СССР?

Она мнетя и смущенно улыбается. На ее лице удивление по поводу заданного вопроса.

– Вы знаете, где находится Чимбай²⁵? – продолжал я. – Вот смотрите, – и я ткнул пальцем в угол карты Узбекистана, висевшей на стене. Это маленький кишлак в 500 верстах от железной дороги. Туда отсюда ехать 20 дней на верблюдах. Там свирепствует тропическая малярия и не живет никто, кроме туземцев, – рассказывал я ей. Она смотрела на меня и на карту, ничего не понимая.

– Так вот, гражданка, я сейчас с вами говорю здесь совершенно секретно, и о нашем разговоре никто не должен знать. И я должен предупредить вас, что если станет известно, что вы кому-либо передали о нашем разговоре, то я вас вышлю в этот самый Чимбай.

– А теперь давайте откровенно поговорим о деле, – продолжал я.

– Скажите, вы знакомы с секретарем афганского консульства, не так ли?

– Да, я немного знакома с ним, – ответила она испуганно.

– Так вот, нам все равно, много или немного вы с ним знакомы. Нас интересует, можете ли вы, если нам это будет нужно, задержать его у себя на ночь до утра?

– Могу, – ответила Власова, – он всегда сидит у меня, пока я не попрошу его уйти.

– Ну и прекрасно, пусть сидит себе на здоровье. Это все, что нам нужно. Я как-нибудь попрошу вас задержать его на всю ночь, и если вы успешно выполните нашу просьбу, мы будем вам благодарны, – сказал я.

– А мне ничего не будет за то, что я знакома с иностранцем? – спросила она.

– Будьте спокойны, ничего не будет, если выполните нашу просьбу. Теперь вы свободны, – сказал я, ставя штемпель на ее пропуске, без чего часовой не выпустит ее из здания ГПУ.

– Только никому ни слова о моей просьбе. Не забывайте Чимбай, – напомнил я ей на прощание.

И она, улыбаясь, ушла торопливой походкой, радуясь, что так легко отделалась от ГПУ.

Большая роскошная квартира, переданная в распоряжение ГПУ для специальных целей. Прекрасно сервированный на шесть персон стол. Много вина, коньяку и ликеров. Стол заставлен закусками. Мы пригласили афганского консула, который должен прийти к 9 часам вечера. Остальная публика собралась раньше. В гостиной сидят Уколов и три девицы. Двое из них секретные агенты моего отделения, а третья – моя машинистка. Это та самая высокая девица, которая так сильно понравилась консулу в театре. Он предупрежден, что она будет на этом интимном вечере, вот почему я уверен, что он обязательно придет. Она также имеет инструкцию – быть к консулу как можно благосклоннее. Она должна будет играть главную роль на вечеринке. В ожидании консула я проверяю все приготовления к столу. Кто-то из девиц брэнчит на пианино в соседней комнате.

Ровно в 9 часов консул пришел, и мы повели его к столу. Ему отведено место рядом с машинисткой. Прежде чем приступить к закускам, мы начали с традиционной русской водки. После пары рюмок консул, улучив момент, спросил меня:

²⁵ Чимбай – город, центр Чимбайского района Каракалпакской АССР Узбекской ССР.

– Почему вы не даете ответа на мое предложение? Уже жду три недели.

– Дело в том, что ваше дело очень серьезное и важное, поэтому запросили Москву, откуда еще нет ответа, – ответил я, – но я думаю, каков бы ни был ответ, он не сможет изменить наших личных отношений, – добавил я.

– Конечно, конечно, – поспешно сказал консул. – Я очень люблю русских, в особенности русских женщин, – засмеялся он, кидая взгляд на свою соседку.

– Поэтому прошу занимать вашу даму, – сказал я и подмигнул повернувшейся к нам машинистке.

Около полуночи консул, почти пьяный от вина и близости соседки, сидел на диване и прижимался к девушке. Остальные женщины, несмотря на инструкцию пить как можно меньше, не удержались и, напившись, смеялись во все горло над молчаливым Уколовым. Я сидел в их компании и смотрел на золотую цепь, видневшуюся из-за расстегнутого пиджака консула, украдкой взглянув на часы, я решил, что уже пора действовать. Было без четверти час, а в час ночи на улице должны были меня поджидать мой уполномоченный с фотографом ГПУ. Я направился к столу и, налив рюмку вина, всыпал в нее дозу снотворного порошка. Рюмку поставил на край стола, затем взял из вазы цветок, понюхал его несколько раз и бросил рядом с рюмкой. Это был условный знак машинистке, сидевшей рядом с консулом и следившей за моими действиями. Через минуту она обратилась к консулу:

– Давайте выпьем за нашу любовь, – и, встав, взяв приготовленную рюмку, подала консулу. Схватив другой стакан, она чокнулась с ним и пьет. Консул, глядя на нее влюбленными глазами, приложился к своей же и выпил до дна.

Никто ничего не заметил. Веселье продолжалось. Минут через десять консула стало клонить ко сну. Его соседка, взяв его под руку, отвела его в последнюю комнату и через несколько минут вернулась с цепочкой от часов, на коей висели ключи.

Я торопливо открыл несгораемый шкаф, стоявший в кабинете консула. За мной стоял мой уполномоченный, освещая карманным электрическим фонарем дверцы шкафа. Хотя в консульстве никого не было, мы старались не производить шума.

– Вот шифр, – сказал я, вытаскивая лежащую в конверте со сломанными сургучными печатями тетрадку. – А вот и папка с секретными циркулярами, – продолжал я вытаскивать бумаги и передавать их уполномоченному.

В шкафу больше ничего нет, за исключением двух мешков с афганскими серебряными рупиями.

– Сейчас же поезжайте к нам и сфотографируйте все это. Смотри, чтобы бумаги лежали в том же порядке, в каком они сейчас. Приезжай как можно скорее, – инструктировал я уполномоченного.

5 часов утра. Я только что водворил цепочку от часов на жилет консула, мирно спящего рядом с машинисткой. Остальные тоже спят, кто на кроватях, кто на диванах. Все сошло благополучно. Я доволен операцией. С наслаждением я выпил чайный стакан вина и лег на ближайший диван отдохнуть.

Наутро разбудил меня Уколов. Консул только что открыл глаза. Я, протирая глаза, побежал к нему.

– Ну, как спали, господин консул, – спросил я.

– Большое спасибо, – улыбнулся консул, стараясь скрыть головную боль.

Через час он собирался уезжать. Мы шумно прощаемся с ним и берем друг у друга обещание устроить еще такую же вечеринку.

Уже 10 часов утра. Я спешу к себе в ГПУ, чтобы посредством добытого шифра расшифровать собранные заранее копии секретных телеграмм «дружественного Афганистана!».

Глава 10. Троцкизм среди чекистов

В кабинете секретаря Новгородского комитета ВКП(б) Епанешникова набилось человек тридцать. Дело было в конце 1923 года. За закрытыми окнами валил снег. В комнате стоял густой чад от накуренного табака. Маленькая открытая форточка была не в силах вытянуть густые клубы дыма, и воздух в комнате становился все более нестерпимым.

Однако никто из присутствовавших не обращал на это внимания. Собравшиеся представляли собой партийный актив городского комитета партии, и им сегодня предстояло решить важнейший жизненный вопрос партии. Нужно было решить, кто прав и кто виноват в поднятой Троцким²⁶ дискуссии перед съездом партии. Его книга «Уроки Октября» расшевелила всю партийную массу, ибо идеологи Центрального комитета партии усмотрели в этих «Уроках» новую попытку Троцкого ревизовать ленинизм, новую попытку «протащить» троцкизм, пользуясь безнадежностью положения большевиков Ленина.

Партийный актив состоял в своем большинстве из председателей ячеек городских учреждений и предприятий, среди них присутствовал и я, как секретарь объединенного бюро ячеек войск и органов ГПУ. Все мы с нетерпением ожидали члена Центрального комитета Межлаука, приехавшего только что из Москвы и назначенного докладчиком на нашем партактиве. Я, как, вероятно, и большинство из собравшихся, не читал еще книги «Уроки Октября» и знаком с затронутыми в ней вопросами по статьям в московской «Правде». Я заговаривал на эту тему то с одним, то с другим из секретарей, стараясь в беседе с ними выяснить для себя суть разногласий в Центральном комитете партии, а также прощупать мнение моих собеседников, но всюду наталкивался на один и тот же ответ: «Да голову ломать. Вот Межлаук сделает доклад и даст активы, по которым будем работать». Только один из присутствовавших, видимо, не разделял мнений собравшихся. Он сидел в стороне и смотрел на остальных, полупрезрительно улыбался. Это был председатель Хлопкового комитета Мамаев. Изредка к нему подходил секретарь комитета Епанешников и, обменявшись парой фраз, уходил с улыбкой сожаления и превосходства на лице.

Наконец, пришел Межлаук. Как всегда свежесбрившийся, одетый в новенький, хорошо сшитый костюм, Межлаук резко отличался от нас, полурбочих-полувоенных, не знавших, что такое полный комплект новой одежды, одевавшихся от случая к случаю.

– Товарищи, заседание партактива объявляю открытым. Слово для доклада предоставляется товарищу Межлауку, – выкрикнул обычную формулу Епанешников, уступая место докладчику.

²⁶ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – основоположник одного из главных направлений марксизма в XX столетии. Участвовал в социал-демократическом движении с 1897 г., примыкал к меньшевикам. Участник революции 1905–1907 гг. Избирался председателем Петроградского Совета рабочих депутатов. В 1907–1917 гг. – в эмиграции. Возвратившись в Россию, стал большевиком. Участвовал в подготовке Октябрьской революции; в 1917–1918 гг. народный комиссар по иностранным делам; 1918–1924 гг. – нарком по военным и морским делам. Председатель Революционного военного совета Республики, одновременно в 1920–1921 гг. – нарком путей сообщения. 26 января 1925 г. постановлением Президиума ЦИК СССР был освобожден от руководящих военных постов. В 1925–1926 гг. – член Президиума ВСНХ СССР, председатель Главного концессионного комитета, начальник Электротехнического управления и председатель Научно-технического управления промышленностью. В 1927 г. исключен из ВКП(б). Основной соперник Сталина в борьбе за власть. Выслан из пределов СССР постановлением Особого совещания при коллегии Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) по обвинению в контрреволюционной деятельности (статья 58, пункт 10 Уголовного кодекса) 18 января 1929 г. Покинул страну 11 февраля, до 17 июля 1933 г. жил в Турции, затем во Франции и Норвегии, а с 9 января 1937 г. – в Мексике. Умер 1 августа 1940 г. в Мехико от раны, нанесенной ему за день до этого агентом НКВД Рамоном Меркадером дель Рио. Убийца Троцкого стал Героем Советского Союза, был освобожден из мексиканской тюрьмы в 1960 г., жил в Чехословакии, на Кубе и в СССР под именем Рамона Ивановича Лопеса, умер в 1978 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.